

Неповторимая

Айседора
Дункан

Модерн
на босу ногу

Неповторимая (Алгоритм)

Юлия Андреева

**Айседора Дункан.
Модерн на босу ногу**

«Алгоритм»

2016

УДК 793.3.071Дункан А.
ББК 85.32

Андреева Ю. И.

Айседора Дункан. Модерн на босу ногу /
Ю. И. Андреева — «Алгоритм», 2016 — (Неповторимая
(Алгоритм))

ISBN 978-5-906880-12-3

Перед вами лучшая на сегодняшний день биография величайшей танцовщицы XX века. Книга о жизни и творчестве Айседоры Дункан, написанная Ю. Андреевой в 2013 году, получила несколько литературных премий и на долгое время стала основной темой для обсуждения среди знатоков искусства. Для этого издания автор существенно дополнила историю «жрицы танца», уделив особое внимание годам ее юности. Ярчайшая из комет, посетивших землю на рубеже XIX – начала XX в., основательница танца модерн, самая эксцентричная женщина своего времени. Что сделало ее такой? Как ей удалось пережить смерть двоих детей? Как из скромной воспитанницы балетного училища она превратилась в гетеру, танцующую босиком в казино Чикаго? Ответы вы найдете на страницах биографии Айседоры Дункан, женщины, сказавшей однажды: «Только гений может стать достойным моего тела!» – и вскоре вышедшей замуж за Сергея Есенина.

УДК 793.3.071Дункан А.
ББК 85.32

ISBN 978-5-906880-12-3

© Андреева Ю. И., 2016

© Алгоритм, 2016

Содержание

От автора	6
Мамаша Дункан и ее дети	7
Портовый городок	11
Дульси и взрослый мир	13
Мечты-мечты...	19
С помидорами и перцем	22
Богемия и богемцы	24
Айседора в театре	28
На вольных хлебах	32
Жизнь на грани	37
Лондон и его нравы	42
Лондонские будни	47
Париж и выставка	50
В поисках любви	54
Видение театра и сероглазый король	57
Пан и нимфа	61
Лои Фуллер и Сада-Якко	63
Последняя капля	68
Айседора и Ромео	70
Айседора и Марк Антоний	73
Мюнхен и его обитатели	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Юлия Андреева

Айседора Дункан. Модерн на босу ногу

Айседора Дункан – это божественный модерн на босу ногу.
О’Санчес

От автора

Сан-Франциско, 1883 год. Класс в католической школе. Учительница просит учеников рассказать о своих родителях. О мамах говорили на прошлом уроке, сегодня очередь пап. У одного отец – пекарь, у другого – аптекарь, у третьего – солдат, в красивой форме и с самым настоящим ружьем. Рыженькая девочка на задней парте низко опускает голову, прячась за спинами одноклассников, в голове настойчивая мысль: «Хоть бы не вызвали, хоть бы не вызвали, а если вызовут, что делать? Соврать? Но мама выпорет за вранье, врать некрасиво, и отец Марк из церкви святого Августина учит, что ложь – это грех. Что же делать? Но сказать правду совсем скверно! Сказать правду нельзя. Вот бы провалиться сквозь землю, вот бы...»

Дело в том, что не далее как вчера в семейство Дункан забежала тетка Августа – мамина сестра, Дульси ей доверяет, потому что, как ни крути, они с тетей Августой Грей лучшие подруги. Именно с ней, с прекрасной, словно темная фея, Августой девочка и хотела обсудить давно мучивший ее вопрос. Кто ее отец?

«Твой отец – черт, погубивший жизнь твоей матери», – немного помедлив, доверительным шепотом сообщила черноволосяя красавица, так что Дульси чуть в обморок не рухнула. Это ж надо – всамделишной черт с рогами и копытами!

Ах, если бы Дульси не спрашивала тетю, не срывала запретного плода, теперь она могла бы лихо придумать себе любого отца. А тут. только начнешь воображать – отца-юриста, полицейского или даже жокея в красненькой курточке и лаковых сапожках, как перед глазами противная чертенячья морда с рыльцем вместо носа. Ну, что ты тут будешь делать?..

Мамаша Дункан и ее дети

Это было невероятно тяжелое время для мамы Доры¹ и ее детишек. Внезапное банкротство мужа, который мало того что разорил семью, так еще и твердо вознамерился развестись со своей беременной четвертым ребенком супругой. Постоянные ссоры с мужем, переживания за детей, страх что не сегодня-завтра ее с пузом и тремя держащимися за подол малышами выставят на улицу... и что тогда? И куда тогда? В прачки? в проститутки? Между тем над Сан-Франциско бушевал не на шутку разыгравшийся экономический кризис 1876 года, заводы, фабрики, маленькие конторки и торговые предприятия разорялись и закрывались одно за другим, выбрасывая своих сотрудников на улицы. Дора истово молила бога, но тот, казалось, не слышал ее отчаянных призывов. А ведь еще совсем недавно они с Джо-зефом² жили если не душа в душу, то, по крайней мере, по-христиански. Она заботилась о нем и детишках, делала все, что только могла делать любящая жена и мать. А он, поэт и вертопрах не пропускал ни одной юбки, нередко возвращаясь домой пьяный и пахнущий дорогими духами. Ах, что это были за духи! А действительно – что за духи? У Доры Дункан никогда не было таких духов.

Что с него возьмешь – поэт, красавец, собственно, за стихи она его и полюбила. За стихи, что задорого не продашь, но без которых жизни нет. Дора знала наизусть все написанное любимым и непутевым супругом и часто, когда тот задерживался с друзьями допоздна, читала их детям.

И вот теперь он забрал свои вещи и ушел навсегда, а Дора может только плакать и играть на пианино. Не готовит, не стирает, пол неделями не метет, дети неизвестно где бегают, а неродившийся еще малыш толкается и пинается, точно в футбол играет. Дора – опытная в таких делах, отлично знает, как ведут себя в утробе правильные дети. Этот же, да и с чего ребенку родиться нормальным, когда вокруг все рушится и летит в тартары?

Родители Айседоры Дункан: Джозеф Чарльз Дункан и Мэри Дора Грэй Дункан.

«Характер ребенка определен уже в утробе матери. Перед моим рождением мать переживала трагедию. Она ничего не могла есть, кроме устриц, которые запивала ледяным шампанским. Если меня спрашивают, когда я начала танцевать, я отвечаю – в утробе матери. Возможно, из за устриц и шампанского».

(Айседора Дункан)

«Я рожу чудовище, – шепчет себе под нос Дора, наливая полный бокал контрабандного шампанского из заначки мужа. – Ребенок, который родиться, просто не может быть нормальным!»

«Перед моим рождением моя мать, находясь в очень трагическом положении, испытывала сильнейшие душевные потрясения. Она не могла питаться ничем, кроме замороженных устриц и ледяного шампанского. На вопрос о том, когда я начала танцевать, я отвечаю: “Во чреве матери, вероятно, под влиянием пищи Афродиты – устриц и шампанского”», – пишет в своей книге Айседора Дункан. Красивый пассаж и ничего больше, действительно на берегу моря, устрицы стоили недорого, особенно если покупать их у пиратов-устричников, которые обирали сети честных рыбаков, а затем за гроши сбывали весь награбленный товар в ближайшем порту, но вот на счет ледяного шампанского?.. вряд ли семья, в которой не на что было купить хлеб, могла позволить себе слишком часто подобную статью расходов. Впрочем... красиво – устрицы и шампанское.

27 мая 1877 года Дора Дункан разрешилась от бремени, произведя на свет девочку, которая тут же начала бешено двигать ручками и ножками. так что и у акушерки, и у мамыши не осталось ни малейшего сомнения относительно безумия новорожденной. Тем не менее сумасшедший ребенок или совершенно нормальный, его следовало растить и поднимать. Узнав, что у него родилась дочь, Джозеф Дункан снизошел до посещения оставленного им семейства: потрепал за щеку бывшую супругу, сложив из пальцев рожки, и прочитал дочурке «Идет коза рогатая». На чем посчитал свою отцовскую миссию исчерпанной и поспешил откланяться, сообщив напоследок, что новорожденная напоминает ему очаровательного мопсика госпожи Айны Кулюрит, поэтессы из Калифорнии и его нынешней любовницы. И в припадке вдохновения предложил именовать дома малышку не иначе как «Принцесса мопсик».

Вот такая трогательная отеческая забота. Впрочем, возможно, именно в этот момент чаша терпения несчастной Доры переполнилась, и она перестала плакать, молиться и погло-

щать устрицы, наблюдая, как окружающий мир погружается в хаос. Теперь она снова жила назло предателю Джозефу, чье имя с этого момента будет запрещено произносить дома, жила ради своих детей, которых она поклялась поднять на ноги и сделать людьми, чего бы ей это ни стоило!

И первое, от чего отказалась отчаянная Дора, была церковь. До развода госпожа Дункан считала себя истинной католичкой, которая постилась, молилась, водила детей на причастия и мессы... Потом, когда муж, ради которого она могла пожертвовать всем на свете, бросил ее и детей, разрушив хрупкую идиллию, а бог не внял молитвам... Оставшись без супруга и без Бога, Дора вдруг на удивление самой себе спокойно вздохнула и принялась прибираться запущенный за последние недели дом.

Теперь не нужно было тратить время на церковь, она не запрещала детям посещать службу, признавая за ними право выбора, но и не водила за ручку, как это делали соседки. Если раньше Дора одевалась и причесывалась безукоризненно, опасаясь колких взглядов и осуждений, теперь ей было плевать на то, как и во что она одета. Когда дети спрашивали, почему она не носит украшений, мама объясняла им, что, надев на руки браслеты и на шею бусы, обувшись в туфли на высоких каблуках, она не смогла бы играть с ними или купаться, так как все время думала бы об этих вещах, опасаясь их повредить или потерять. По этой же причине дети одевались в то, что время от времени приносили им их многочисленные тетушки и сердобольные соседки. Старые, поношенные вещи дают свободу делать то, что хочешь, новые и дорогие – сковывают, навязывая собственные правила, и приводят к неестественности и потере свободы.

Днем мама вязала на продажу шапочки, пинетки, шарфики и воротнички, а потом несла в лавку продавать. По вечерам играла детям музыкальные произведения Бетховена, Шумана, Шуберта, Моцарта или Шопена, читала вслух Шекспира, Шелли, Китса и Бернса, так как считала это единственным правильным способом дать детям образование.

Подражая экзальтированному поведению родительницы, малыши разучивали малопопулярные им самим стихи, выступая вместе с нею в домашних импровизированных концертах, когда к ним в гости навевались знакомые. Сидя в своей кроватке, рыженькая Дора Энджела Дункан, или Дульси, как ласково называли девочку в семье, забавно двигала ручками под музыку, точно дирижируя маме. Свои первые шажки она делала, пританцовывая и словно бы упиваясь открывшейся ей возможностью движения. Дульси танцевала абсолютно под любую музыку и даже под чтение стихов, в которых она находила подобие танцевального ритма. Поставив малышку на стол, вся семья весело хохотала, наблюдая ее забавные пляски.

Когда Дульси исполнилось пять лет, Доре пришлось отдать ее в школу, соврав, будто девочке шесть с половиной. Крупная, здоровенькая малышка внешне мало отличалась от своих одноклассников, так что никто ни о чем не догадался, а у Доры немного развязались руки, в то время она подрабатывала аккомпаниатором, или давала уроки музыки в богатых домах, куда таскать младшенькую было не всегда удобно.

После школы ватага Дункан была предоставлена самой себе, никто не следил, где они носятся, с кем дружат, о, если бы они еще и находили, где и чем питаться... но, к сожалению, матери по-прежнему приходилось лезть из кожи вон, зарабатывая на жизнь.

«Если ты и дальше не станешь следить за своими детьми, они свяжутся с дурной компанией и пропадут, – пытались наставить Дору на истинный путь соседки. – Пока ты бегаешь по урокам, а твой муженек шляется неизвестно где, твои пострелята попадут на страницы “Кроникл”, прямиком в колонку происшествий. Поговори со святым отцом, и, может, он встретится с Джозефом».

Когда заканчивались деньги и, по словам самой Айседоры, следующая трапеза могла быть приготовлена разве что из воздуха, семья снаряжала маленькую Дульси в поход к мяс-

нику или булочнику. Там девочка кланчила, плакала и уговаривала торговцев до тех пор, пока ей не выдавали мясные обрезки или черствый хлеб, лишь бы та убралась.

Именно благодаря такой полунищенской жизни, как считала сама танцовщица, в результате она научилась ставить условия, требовать и получать свое от директоров театров и антрепренеров, с которыми ей приходилось иметь дело.

Однажды в канун очередного Рождества, когда детки вспоминают прошедший год, гадая, достаточно ли хорошими они были и заслужили или нет дорогие подарки от Санта-Клауса, мама не нашла ничего лучшего, чем раскрыть детям глаза на природу зимнего деда: «Мать мне сказала, что слишком бедна, чтобы быть Дедом Морозом; только богатые матери могут изображать Деда Мороза и делать подарки».

Получив, таким образом, исчерпывающую информацию о творимом вокруг обмане, маленькая Дульси решила выступить с опровержением перед классом, заявив во всеуслышание, что никакого Санты не существует и все подарки делают детям взрослые! Учительница попыталась поставить смутьянку в угол, но та сопротивлялась, выкрикивая лозунги, призывая покончить с враньем и признать правду, какой бы горькой та не оказалась.

Портовый городок

Живя на съемных квартирах, семейство Дункан не покупало никакой мебели и вообще старалось иметь при себе как можно меньше личных вещей. Это было обязательным условием, благодаря которому можно было незаметно сбежать от квартирных хозяев, не заплатив за жилье. Обычно это делалось так: мама собирала пожитки в узел и уходила в заранее присмотренный дом, сказав хозяйке или соседям, что несет вязаные изделия на продажу. Остальные вещи дети должны были как-то вынести на себе.

Однажды в школе учительница попросила, чтобы ученики написали сочинение на тему «Моя жизнь». У Айседоры вышло следующее: «Когда мне было пять лет, у нас был домик на 23-й улице. Мы не могли там оставаться, так как не заплатили за квартиру, и переехали на 17-ю улицу. У нас было мало денег, и вскоре хозяин запротестовал, поэтому мы переехали на 22-ю улицу, где нам не позволили мирно жить, и мы переехали на 10-ю улицу». Далее рассказ продолжался в том же духе, так что слушавшие сочинение мисс Дункан дети начали хихикать, а учительница решила, что малолетняя нахалка попросту издевается над ней, и вызвала в школу маму. Каково же было ей, когда Дора разрыдалась над рассказом дочери, подтверждая, что все написанное – чистейшая правда.

Приходилось экономить буквально на каждом центе, к примеру сумма, выделяемая на хлеб и молоко на неделю, составляла 10 центов на одного человека, кроме того, живущий по соседству доктор рекомендовал Доре не скупиться и непременно приобретать лимоны, в которых есть все необходимые для жизни и здоровья детей витамины. На лимоны уходило 5 центов в неделю на одного человека, на себе Дора могла и сэкономить. Тем более что за квартиру по договоренности с хозяйкой уходили аж 10 долларов за месяц. А ведь еще непременно следовало купить керосину для ламп, по вечерам семья предпочитала читать и музицировать. Дети росли и не могли питаться одним только молоком, поэтому, вздыхая, мама отправлялась на базар, откуда возвращалась с самой дешевой едой из того, что вообще можно было отыскать в порту, в ее корзинке лежали устрицы, орехи, зелень и пончики, в которых вся семья души не чаяла. Пончики стоили мелочь, но ведь и Дунканы не самая маленькая в городе семейка, а как за стол садятся, так все съедобное подчистую метут.

Соседки давно уже пеняли Доре, что ее чада одеваются во что придется и зачастую их можно спутать с беспризорниками, да она и сама не слепая, только где же взять лишних 50 центов в месяц на стирку? Ей одной не осилить такую прорву домашней работы, когда еще и деньги как-то заработать надо.

Предоставленные самим себе, дети бегали в порт, смотреть, как мимо с непревзойденной важностью шествуют краснотрубные буксиры, за которыми вяло тянулись барки с мешками сахара. Вечером рыбацкие шхуны поднимали разноцветные паруса и устремлялись в неведомые дали, туда, где острый бриз рябил фарватер и небо все еще помнило, где нашло себе пристанище уставшее за день солнце.

Иногда в порту они встречали старого китайца, торговавшего на улице Валенсии, который, по его же собственному рассказу, приехал в Америку сорок лет назад и все это время ждал жену и детей, которым через год выслал деньги на билеты. Но те, скорее всего, погибли вместе с везущим их пароходом. Китаец не скрывал, что денег не могло хватить на пассажирский рейс, соответственно, его семья должна была добираться на грузовом судне или вместе с кем-то из его соотечественников на маленьких джонках. Он не мог знать, какой вид водного транспорта избрали сорок лет назад его родные, но каждый вечер приходил на берег в надежде услышать хоть что-нибудь о них. В память о своих детях: двух мальчишках и двух девочках – старик приносил ребятам леденцы и тянучки. Из простого куска бумаги он

мастерил веера для Лизы и Дульси, а ребятам как-то изготовил одну на двоих рогатку. Ох, и влетело же им от Доры за это оружие!

Да и вообще, что делать детям в порту, если они не подрабатывают и не состоят в яхт-клубе? На греческих браконьеров – ловцов семги, или китайских – тех, что охотились за креветками, нарушая законы о рыбной ловле, любоваться? На их пьяные кутежи в портовых тавернах, на поножовщину или стрельбу – неминуемые спутники раздела территорий – глазеть? Правда, самые удачливые из бывших браконьеров получали приглашение властей встать на сторону закона, переключившись с ловли рыбы на ловлю бывших товарищей. Работа была интересная, хотя и опасная, а оплата – половина денег, полученных в качестве штрафа с нарушителя. При удаче можно сколотить себе приличное состояние. Самые фартовые умудрялись задержаться на этой работенке и год, и два... неудачливые заканчивали жизнь с пробитой башкой или ножом в спине. Впрочем, мужская работа, романтика. Все пираты были прекрасно вооружены, и брать их приходилось самым настоящим абордажем.

Понимая, что в порту хоть и можно разжиться действительно дешевыми продуктами, но детям там решительно нечего делать, Дора старалась снимать комнаты как можно дальше от опасного места и соседства с моряками, так как те во все времена имели неистребимую склонность напиваться и буяннить.

Дульси и взрослый мир

Когда Дульси исполнилось шесть лет, то есть она была во втором классе, пришедшая домой раньше обычного мама застала на полу своей комнаты соседских ребятишек, которые еще и ходить-то толком не могли. Надев юбку сестры (в то время Лиза уже жила у бабушки) и подвязав волосы, Дульси делала странные движения руками, которые малыши пытались повторять за ней. Заметив мать, девочка объяснила, что уже час как открыла собственную школу танцев и это ее ученики. Дора тут же села за пианино и начала аккомпанировать импровизированному уроку.

Казалось бы, игра – но с того дня соседки повадились оставлять малышей вернувшейся из школы Дульси, платя ей за это какие-то деньги или принося угощения. Все заработанные средства младшая Дункан отдавала матери.

В семь лет наша героиня неожиданно познакомилась с собственным отцом, который разыскал оставленную им семью в ее непрерывных странствиях. Встреча получилась бурная: мама побледнела и заперлась в спальне, со старшим братом Августом случилась истерика, Раймонд мог только таращиться и махать руками. Весьма удивленная произошедшим, девочка вернулась к ожидающему на лестнице папе, который не удивился и не обиделся тому, что его не желают видеть, а взял дочку за руку, повел ее в кондитерскую, где впервые в жизни она лакомилась дорогими пирожными и мороженым, мечтая сразу же по возвращении домой убедить семью присоединиться на следующий день к их пиру. «Папа обещал!» Бедная Дульси, да, она могла смягчить сердце злой на мужа Доры, уговорить братьев, но... ни на следующий день, ни через неделю папа не появился, и она напрасно прождала его, мечтая еще хотя бы раз пройтись по улице рядом с родным отцом. Впрочем, жизнерадостная Дульси не обиделась на своего непутевого папу, который, назначив ей встречу, немедленно уехал в Лос-Анджелес, где у Джозефа Дункан была новая семья, жена и, возможно, дети...

За четыре года работы класс мисс Дункан заметно увеличился, детей к ней теперь приводили не только соседские мамочки, черные толстые кормилицы и строгие воспитательницы вели за ручки и везли в колясках разодетых крошек, дабы те посещали модные уроки. Переодев малышей для урока танцев, мамки и няньки отправлялись дышать воздухом в парке или болтали на скамеечке перед домом. Кроме того, Дульси, или теперь уже Айседору, начали приглашать вести уроки танцев в богатые дома. Так что девочке вдруг стало некогда учиться, о чем она и заявила матери.

– Какой смысл тратить время на школу, когда я уже неплохо зарабатываю? – Вопросила десятилетняя дочь и сама же отвечала на свой вопрос: – Решительно никакого. В школе я только теряю время. Уверена, что мне не понадобится девяносто процентов из того, что там преподают, что же до книг, то я всегда смогу брать их в библиотеке. Кроме того, школа реально мешает моей работе.

Будет ее младшая дочь получать образование или нет, Доре было плевать, но ее убежденность и целенаправленность завораживали. Резкая, решительная с отменной фантазией, с каждым днем Дульси все больше и больше походила на своего отца, авантюриста и поэта. На человека, которого Дора упорно пыталась выкинуть из головы, но которого продолжала боготворить.

Однажды, когда Айседора еще училась во втором классе, желая утихомирить иногда весьма резкую своевольную девочку, кто-то из школьного начальства рассказал ей об исправительных заведениях, в одно из которых мисс Дункан рискует попасть, если не исправит своего в высшей степени предосудительного поведения. Внимательно выслушав, что ее ждет в означенном месте, Дульси могла только горько рассмеяться: «А в каком заведении,

по-вашему, учусь я? Ведь наша школа делает все возможное, чтобы исправить и убить все то прекрасное, чему я научилась дома!»

Оставив школу, три года Айседора Дункан работала с классом у себя дома и бегала на частные уроки. Все деньги уходили на семью, и лишь небольшая их часть была, в конце концов, выделена ей на покупку длинной юбки. Теперь Дульси делала высокую прическу, кроме того, она была рослая, намного выше своих сверстниц, так что никто из учеников и их родителей не мог определить истинный возраст юной учительницы танцев. Когда же мисс Дункан начинала торговаться, ее глаза приобретали фиолетовый оттенок моря в бурю и металы молнии, а рыжие ирландские волосы горели, словно маленький факел, – кто бы мог подумать, что так смеет вести себя тринадцатилетняя девочка?!

Айседора Дункан. 1880 г.

Меж тем, переехав в очередной раз, семья осела в Окленде, в двадцати минутах танца от публичной библиотеки, куда частенько забегала Айседора. Читала она все подряд, просто радуясь любой новой истории, не важно, о чем она. А чего не радоваться, когда все они заканчивались свадьбой с последующим неземным счастьем. Как и все девочки, Айседора грезила о «долго и счастливо», представляя себя в роли любимых героинь. Впрочем, несколько раз ей попадались книги, в которых любовь отнюдь не выходила победительницей и дети не были желанными, а отчего-то назывались «позором семьи», о девушках, отдавших нежной страсти и пострадавших от этой своей слабости. Поражало, что в таких историях общество однозначно порицало женщину, на которую сразу же сваливались все горести. Об этом следовало подумать.

Одним из любимейших развлечений жителей Окленда был театр «Тиволи», в котором показывали комедии. Билет стоил недорого, театральный зал был оборудован на манер недорогой пивной, то есть там стояли широкие деревянные столы, и зрители были обязаны, кроме входного билета, заказывать себе сэндвичи с пивом. Особыми театрами среди жителей славного Окленда слыли чадолюбивые отцы семейств, которые по выходным брали своих малышей в театр, где дети либо ползали под столами, играя друг с дружкой, либо, если они все же желали увидеть представление, за которые их папаши выложили свои трудовые деньги, считалось неззорным посадить малышей прямо на стол среди пивных луж, крошек и

мисок, вручив им по свежему сэндвичу. От такого времяпрепровождения дети были в восторге, а если владелец театра или кто-то из «служителей Мельпомены» и начинал ворчать о нецелесообразности приводить в театр непьющих зрителей, отцы семейств мужественно брали питейную повинность на себя. Так что в конечном итоге все были довольны.

Заглянув раз в оклендский театр, Дора запретила своим детям бывать там, так что им из всех бесплатных развлечений осталась единственная в этом милом местечке библиотека.

Старалась, по возможности, выбирать для юной Дункан самые интересные книжки, заведующая библиотекой – известная поэтесса Айна Донна Кулбрит. Неудивительно, Айседора была так похожа на своего отца... Кто знает, быть может, когда-то живя с ним, Айна и мечтала, что рано или поздно они поженятся, после чего Джозеф заберет у своей жены сына или дочку – все равно Доре не поднять четверых, и будет тогда у Аины любимый ребенок от любимого человека. Сама госпожа Кулбрит не имела детей и с чисто материнской нежностью заботилась о своих юных читателях, среди которых, как мы теперь знаем, был знаменитый в будущем писатель, а в то время парнишка всего-то на год старше Айседоры, некто Джек Лондон³. Посещая одну и ту же библиотеку, они не познакомились, да Айседора и не искала знакомств, ибо была влюблена. И не просто влюблена – желая открыть хоть кому-то душу, рассказать о своих чувствах, Айседора вслед за многими героинями полюбившихся романов принялась вести дневник. Но разве можно спрятать что-то в доме, где проживает целый табор, который в любую минуту может сорваться с места и понестись неведомо куда, потеряв дорогой заветную тетрадку? Айседора изобрела шрифт и писала все свои «откровения» исключительно в виде шифровок.

А вообще, странно складываются человеческие судьбы, избирательно составляет муза истории Клио узор из крошечных жемчужинок и мелкого бисера. Вот казалось бы, жила-была Айна Донна Кулбрит – поэтесса и лауреат многих поэтических конкурсов Калифорнии, интересная, образованнейшая для своего времени женщина. А запомнилась потомкам исключительно как библиотекарь, выдающий книги рослой рыжей девочке Айседоре Дункан и маленькому замкнутому мальчику Джеку Лондону. Осталась в воспоминаниях этих детей, да вот еще Ирвин Стоун биографический роман о Джеке Лондоне написал, «Моряк в седле» называется. Так и сохранилась Айна в памяти потомков – умным библиотекарем, а уж потом прекрасной женщиной и талантливой поэтессой... но, может быть, так и надо?..

...Тайна придавала особый романтизм, а Верной, так звали молодого человека, казалось, читал у нее в душе. Айседоре в ту пору, если верить ее собственным мемуарам, исполнилось тринадцать лет, юноша работал в аптеке и пару раз в неделю приходил в школу мисс Дункан заниматься танцами. Не в школу для малышей! К тому времени были открыты курсы современных танцев для молодежи. Там они познакомились, подружились и стали вместе посещать балы и вечера, о которых сама хитренькая Айседора говорила не иначе, как о дополнительной практике, столь необходимой в постижении искусства танца.

Разумеется, он понятия не имел, сколько лет юной учительнице, она же строго-настрого запретила членам семьи раскрывать тайну. На всякий случай, меж собой было условлено говорить, будто бы ей шестнадцать.

Страдая от страсти и не смея открыться прекрасному Верною, девочка убегала из дома, чтобы, пройдя несколько миль, постоять перед окнами его комнаты или изредка заглянуть в двери аптеки, в которой работал ее избранник.

Поняв, что желающих учиться у нее с каждым годом становится все больше и больше, так что она уже не может разорваться между ними, Айседора упростила маму забрать сестру Елизавету, которая несколько лет как воспитывалась у их бабушки. Надо ли говорить, что Лиза моментально попала под мощное обаяние властной Айседоры и вскоре изучила основу нового танца, надела точно такую же юбку и тоже пошла преподавать. Это было более чем

своевременно, потому что теперь Айседора могла выкроить уже больше времени для своего Верной.

О чем они говорили? Верной рассказывал Айседоре о работе в аптеке, о том, что не пройдет и пары лет, как начальник сделает его своим замом, а потом, возможно, и возьмет в долю на правах компаньона. Недавно Верной составил свой индивидуальный гороскоп у известного в городе астролога, и тот обещал ему быстрый карьерный рост и удачную женитьбу.

При слове «женитьба» у Айседоры ноги подкашивались и делалось трудно дышать.

Верной же, словно не замечая состояния учительницы танцев, разворачивал перед нею журнал «Здравый смысл», в котором номер за номером, уже другой, на этот раз заезжий астролог давал уроки считывания небесных знаков. Конечно, «Здравый смысл» зазывал желающих посетить курс лекций, на которых астролог будет объяснять более подробно правила астрологии и ответит на любые заданные ему из зала вопросы, помогая желающим получить сведения об этом небесном искусстве, по возможности полно удовлетворить свое любопытство. Но Верной пока не решался потратить указанную в объявлении сумму – 10 центов за одно посещение, тем не менее он покупал все номера журналов, благодаря чему уже немного разбирался в этой науке. Айседора предпочитала любовные романы, хотя зачитывалась и «Здравым смыслом», редакция позиционировала свое детище как «единственный атеистический журнал к западу от Скалистых гор». Во всяком случае, там говорили о равноправии мужчин и женщин, вопрос, живо интересовавший мисс Дункан. Кроме того, на страницах этого прогрессивного издания регулярно публиковались интервью известных магов и специалистов, общающихся с миром мертвых. Вообще, в Сан-Франциско было невероятно много спиритистов, так как они пользовались бешеным успехом. Доходило до того, что горожане обращались к специалистам, практикующим спиритизм, с вопросами, стоит ли поднимать жалованье служанке, хорошо ли будет поехать в праздник за город и какое платье, розовое или фиолетовое, рекомендуют покупать духи великих полководцев и царей к ближайшему празднику?

Спириты устраивали как индивидуальные сеансы, так и коллективные, последние обычно проводились среди друзей, коллег по работе, соседей или в кругу какой-то определенной семьи, но бывали и клубные общения с духами, проходившие по определенным дням недели.

Кроме повального увлечения спиритизмом и астрологией, народ в Сан-Франциско обожал разнообразные курсы, на которых можно было получить новые полезные сведения относительно устройства собственной жизни. Молодые девушки посещали не только уроки кройки и шитья, не только учились танцевать и держать себя в обществе, непременно осваивая карточные игры и принятые «в свете» жаргонные выражения, но еще более часто шли на лекции, посвященные таким темам, как борьба с заниженной самооценкой, курсы, помогающие духовному раскрытию из разряда «почувствуй себя богиней», «стань настоящей охотницей», «научись говорить “нет”». Молодые люди отдавали последние деньги на тренинги: «Как впустить богатство в свою жизнь», «Почему мы боимся перестать быть бедными», «Бедность, ее причины и средства борьбы с нею». Общества «филоматов» предлагали организовывать нечто вроде коммун, дабы жить, не испытывая на себе и своих детях пагубного влияния окружающего мира с его алчностью, жадностью и растущей преступностью.

Что же до «страшного мира», так он действительно был таковым. Америка представляла собой многонациональный постоянно пополняемый новыми мигрантами бурлящий котел, в котором приезжие предпочитали жить по законам, принятым на их родине, а зачастую обходились вообще без законов, выживая, как получается, и пытаясь любым способом закрепиться на новом месте. К примеру, текстильная фабрика «Калифорния Коттон Миллз», что располагалась на 17-й улице Восточной стороны Окленда, ее владелец был родом из

морского города Абердина, выписывала работниц только из Шотландии. Все девушки как на подбор были из деревень, ни одна не знала языка, и все они целиком и полностью зависели от своего «благодетеля», который обдирал их дочиста, год за годом вычитая деньги, потраченные на переезд и устройство на новом месте.

Но если от скромных приезжих девушек, с утра до ночи работающих у ткацких станков, трудно было ожидать больших неприятностей, выписанные для работы на заводах мужчины порой представляли реальную опасность на улицах. Очень часто они связывались с криминалом и являлись участниками различных правонарушений, вплоть до поножовщины и грабежей. Кроме того, приезжие реально занимали рабочие места, которые еще вчера принадлежали коренным жителям. Самые обычные разносчики газет – профессия, исконно принадлежащая мальчишкам школьного возраста, теперь оспаривалась между детьми оклендцев и их приезжими сверстниками. При этом вчерашние иностранцы брали за свою работу порой в два раза меньше, нежели местные, а работали не многим хуже. Так, если ежемесячный доход разносчика газет составлял 12 долларов в месяц, пришлые могли удовлетвориться шестью. При этом они еще и из кожи вон лезли, пытаясь любым доступным путем сохранить за собой свое место, чего не скажешь о местных ребятишках, для которых зачастую работа являлась приработком, позволяющим иметь наличные для собственных развлечений.

Не стоит думать, будто бы 7 долларов – это небольшие деньги. Когда Джеку Лондону исполнилось тринадцать лет, а был он всего на год старше Айседоры и жил в том же Окленде, ему удалось скопить 2 доллара, на которые он купил старую-старую лодку, на этой посудине мальчик ходил по извилинам дельты, а иногда решался ненадолго выйти в залив. Конечно, это, с позволения сказать, судно протекало, на нем не было выдвижного киля, лодку то и дело заливало водой, она могла попросту опрокинуться, но все же это была самая настоящая лодка, на которой он рыбачил или перевозил грузы!

Позже за 6 долларов он приобрел подержанный ялик и еще на доллар 5 центов перекарсил старую посудину, за два доллара приобрел парус, за доллар сорок центов – весла.

Маленькие проворные мальчишки самых разных национальностей быстро расставляли кегли в кегельбане и подносили пиво, успевая шустро протирать столики, кланяясь за каждую подаренную им мелкую монетку, и не обращали внимания на оплеухи и затрещины.

Портовые города говорили на множестве языков, так что для простоты представители одной национальности старались селиться рядом, быстро открывая собственные пансионы, столовые, кафе и магазинчики, в которых старались придерживаться обычаев далекой родины. Тем не менее невозможно же все время сидеть в одном-единственном квартале, да и не закроешься от желающих попробовать новых экзотических блюд, приобрести что-то в лавочках или снять дешевую, не говорящую еще на английском девчонку. Не закроешься, да и зачем?

На каждом углу те же мальчишки-разносчики предлагали опиум, их хозяину товар доставлялся напрямую из порта, после чего порошок распределялся малыми порциями, которые и предлагали клиентам пронырливые детишки. Другие пацаны тут же бегали с лотками, полными пачек самых различных сигарет, в некоторые из которых были вложены картинки с изображениями знаменитых скаковых лошадей, парижских красоток, ну и, естественно, чемпионов бокса. Коллекционировать картинки – страсть всех мальчишек того времени, кроме того, собранные серии можно было сбыть за весьма приличные деньги, так что, продавая очередную пачку, маленький собиратель не отходил далеко от покупателя, стремясь хотя бы краем глаза узреть момент, когда тот достанет вожделенное сокровище и... о, если вдруг это оказывалась та самая, недостающая карточка?! Несчастливого покупателя ждала вторая серия уговоров, просьб, коммерческих предложений или даже слез. В результате мальчишку либо прогоняли взащей, либо он становился счастливейшим обладателем картинки, пополнившей его драгоценную коллекцию.

И если мальчики из хороших семей проводили дни напролет в местном яхт-клубе, одетые, точно беспризорники, дети вчерашних эмигрантов за малую денежку драили палубы, очищали днище от ракушечника, приобретая морские профессии на практике.

Многочисленные лавки старьевщиков принимали лоскуты, бутылки, мешки и жестянки, обычно все старое и ветхое, тем не менее вся эта мелкота пользовалась огромным спросом как раз в среде не успевших еще обзавестись собственным имуществом приезжих. Поэтому в среде эмигрантов считалось неззорным рыться в мусоре, пока все те же пришлые, но более счастливые и обеспеченные, так как работали дворниками и уборщиками, не прогоняли бывших соотечественников, разграбляющих помойки на их участках.

Но рыться на свалках мусора или работать на подай-принеси – все-таки удел стариков и мальчишек, а нормальные мужчины искали себе работу по силам, например на консервной фабрике платили 10 центов в час при рабочем дне от 10 до 12 часов с небольшими перерывами. Если рабочие не справлялись с планом, приходилось работать хоть до полуночи, а последние трамваи уходили в парк в 11 часов ночи.

В общем, это счастье, что Айседора и Елизавета умудрялись не просто работать, а иметь свое собственное дело, а Дора аккомпанировала певцам или давала уроки музыки. Судя по всему, ни Раймонд, ни Августин и не пытались подрабатывать, хоть как-то вкладываясь в семейный бюджет.

Мечты-мечты...

Однажды вечером, когда мама наигрывала что-то на пианино, после развода она приобрела довольно-таки странную привычку часами просиживать перед инструментом, отрешенно глядя в пустоту или вдруг переключаясь на декламацию стихов. Музыка сменяла поэзию, новая музыкальная волна сметала хрупкие строки, и так продолжалось до глубокой ночи, если не до утра. Детей при этом никто не укладывал, они были вольны слушать, идти к себе или засыпать, где застал их легкокрылый Морфей, внимая маминому голосу. Так вот, однажды вечером, когда мама музицировала, а Айседора придумывала движения нового танца, который утром собиралась показать своим ученикам, к ним в гости зашла старая знакомая, жившая некоторое время до этого в Вене. Наблюдая за грациозной пластикой юной Дункан, она хлопала в ладоши, всячески поощряя танцовщицу, и, наконец, уверенно предрекла, «Айседора – вторая Фанни Эльслер⁴»!

«Вот что, Дора, если ты хочешь, чтобы девочка сделалась второй Фанни, просто необходимо показать ее лучшему балетмейстеру Сан-Франциско. Я напишу адрес».

На следующий день Дульси уже стояла у станка в классе великого маэстро, внешне послушно делая упражнения, а на самом деле зверея от нелепой гимнастики, к которой ее принудили злые люди! Ей-то казалось, что стоит только показать танцы великому педагогу, как балетмейстер немедленно перейдет в ее веру и откроет талантливой мисс Дункан дорогу в светлое будущее. Как же! А он видел кошмарную технику, полное непонимание системы и, начиная с азов, пытался научить девочку тому, что знал сам.

Фанни Эльслер (1810–1884) – австрийская танцовщица балета. Наряду с Марией Тальони, Фанни Эльслер была известнейшей балериной XIX века

На третий день занятий возник конфликт. Учитель попросил Айседору подняться на цыпочки, та с деланным удивлением осведомилась, почему она должна это делать? И услышав, «потому, что это красиво», ответствовала, что это глупо, неестественно и безобразно, после чего покинула класс.

В это время, должно быть, видя старания младшей из дочерей Доры Дункан, Фортуна улыбнулась многострадальному семейству, и в их жизни снова нарисовался Джозеф, блуд-

ный папенька в очередной раз разбогател и горел желанием поделиться с бывшей женой и детьми деньгами, которые, по всей видимости, жгли несчастному карманы. Вообще, в жизни мистера Дункан случались взлеты и падения, три раза он баснословно богател и столько же раз терял все до последнего цента, это был четвертый и последний случай, когда Джозеф получил большой куш, на который тут же купил Доре и детям новый дом. Да еще какой – с большими залами для танцев, амбаром, ветряной мельницей и площадкой для тенниса. При этом бывший глава семьи не удосужился выяснить, занимается ли кто-то из его отпрысков спортом, как и чем они вообще жили все это время.

Но да бог с ним, наконец-то семейство имело собственное убежище! Августин первым делом осмотрел дареный амбар, сообщив, что отныне здесь будет размещен его театр! С королевским достоинством он проследовал в гостиную, где, обнаружив ковер у камина, взял ножницы, и... у персонажа его первого спектакля Рип Ван Уинкеля появилась роскошная борода!

Репертуар обсуждали на семейном совете. Было решено, что мама возьмет на себя аккомпанирование, Августин будет играть в спектаклях, а также в первом отделении читать стихи, у него была отличная память. Айседора в первом отделении представит серию танцевальных этюдов, и во втором, уже все вместе, братья, сестры и тетя Августа покажут комедию.

Вскоре все было отрепетировано, нарисованы афиши, и театр начал понемногу работать. Айседоре было четырнадцать, когда театр выбрался из амбара и отправился в свое первое турне по побережью. А через год их с Верноем роман закончился свадьбой. Точнее, женился он. На той самой невзрачной девушке, с которой несколько раз его видела Айседора. Обиженная Дункан сразу же порвала с Верноем все отношения и выбросила дневник.

Теперь, как никогда прежде, она чувствовала, что Сан-Франциско давит на нее, во-первых, здесь продолжал жить, не зная о том, какую нанес ей рану, предатель Верной. Во-вторых, настало время доказать всему свету, на что способна Айседора Дункан.

– Этот город погубит нас всех! Да, у нас есть крыша над головой, мы преподаем и зарабатываем какие-то деньги. Но разве это предел наших мечтаний? Молодость пройдет, сила и желание иссякнут, а мы все еще будем сидеть здесь, покрываясь пылью, – внушала несостоявшаяся Джульетта своим менее смелым родственникам. – Как хотите, но даже если никто не поддержит меня, я назло всем поступлю в любую театральную труппу и прославлюсь. А вы как хотите!

Вскоре такая возможность действительно представилась, Дора и Айседора рука об руку отправились с визитом к заезжему антрепренеру. Просмотр состоялся утром на большой сцене. Мама привычно заняла место за роялем, для показа были выбраны музыкальные фрагменты «Песни без слов» Мендельсона. Надев свою короткую белую тунику, Айседора порхала по темной сцене, счастливая уже тем, что выступает в самом настоящем театре. К сожалению, антрепренер не разделял ее восторгов, и, когда девушка собиралась поведать ему о своем танце, ретроград заявил, что показанное мисс Дункан совершенно не подходит для театра, скорее уж для церкви, но...

Мать и дочь немедленно откланялись.

Единственное, что вынесла Айседора из своего разговора с антрепренером, – она несет в мир нечто новое и прекрасное, такое чистое, что ее танцы разумно было бы показывать в церкви. А значит, скорее всего, она не найдет такого театра, в котором сможет танцевать, во всяком случае, не в этой глуши! Еще более вероятно, что такой театр должна создать она сама.

Отсюда вывод: если в провинцию специально приезжают низкопробные балаганы, в которых не место высокому искусству, надо отправляться на поиск такого театра, в котором незасорно было бы выступать даже такому новатору, как Дункан. Куда? – Проще всего в

Чикаго. Там полно театров. Что нужно для успеха мероприятия? – Один билет до места и немного денег на первое время, дабы снять комнату и чем-то питаться. Как скоро удастся получить ангажемент? Очень быстро. Возможно, первые несколько дней придется походить по городу в поисках самого лучшего театра, но зато потом.

Дора во всем поддержала дочь, при единственном условии: в Чикаго они поедут вместе. Еще не хватало, чтобы девочка попала в плохую историю. Было решено, что остальные останутся дома и будут ждать, когда Айседора заработает деньги и вызовет их телеграммой.

С помидорами и перцем

Все вещи мамы и дочери уместились в небольшом сундучке, кроме того, они взяли с собой 25 долларов и некоторые хранившиеся дома драгоценности бабушки, которая к тому времени уже умерла.

Айседора готовилась к блицкригу, но все антрепренеры, перед которыми она показывала свои танцы, как замороженные, говорили то же, что и тот первый в Сан-Франциско: «Это не для театра». Любая на месте Дункан давно уже уразумела бы, что придется меняться, что на свете просто не существует подходящего ей театра, и если хочешь выжить... но Дункан продолжала упорствовать. Меж тем деньги вышли, бабушкины драгоценности оказались не такими уж и дорогими. В результате произошло то, что и должно было произойти, – их выгнали на улицу, забрав все вещи в уплату за долг. Что дальше? В карманах ни пенни, перспектив ноль, невозможно не только вернуться домой, но даже дать телеграмму с призывом о помощи.

По чистой случайности отбирая у матери и дочери вещи, хозяева квартиры не догадались содрать кружевной воротник с платья Айседоры. Либо не представляли его истинной ценности, либо просто велели убираться, забрав только те вещи, что на них. В общем, так или иначе, но, продав кружева, Айседора выручила за них 10 долларов, на которые удалось снять небольшую комнату и приобрести ящик помидоров, которыми бедняжки и питались затем целую неделю, употребляя томаты без хлеба и даже без соли. А перспектив устроиться куда-нибудь не прибавлялось. Дошло до того, что Дора настолько ослабла, что могла только лежать, глядя в потолок. Скорее всего, она предпочла бы умереть, перспективе помешать дочери довести ее эксперимент до конца и не сетуя на судьбу. Страшно переживая за мать, Айседора готова была пойти на все, что угодно. Мыть полы и посуду, выгуливать чужих собачек, но на подобную работу брали людей с опытом и рекомендациями. В конце концов, девочка сдалась и пошла в первый попавшийся театр, где спросила сказать ей напрямик, что она должна сделать, для того чтобы работать у них. Айседора была хороша собой, прекрасно танцевала, посмотрев ее программу, управляющий кафе на крыше «Масонского дворца» попросил Дункан создать совершенно новый образ разбитной девчонки и кокетки в юбочке с воланами, которые станут весело играть, когда танцовщица будет прыгать и задирать ножки под какую-нибудь забористую песенку. На языке управляющего это звучало как «добавить перца». Первым порывом Айседоры было надавать нахалу по морде, но она вовремя вспомнила про ослабевшую от голода мать и смирилась с неизбежным.

Воланы и оборочки – это еще не самое страшное, что есть на свете; пообещав явиться завтра с новым номером и костюмом, Айседора покинула кафе, после чего какое-то время бродила по улицам Чикаго, чувствуя, что еще немного, и она сама рухнет на мостовую в голодном обмороке. В том, что она справится с воланами, дрыганьем и перцем, не было сомнений. Удавалось же как-то, ничему не учась, преподавать светские танцы, получится и это. Другой вопрос, где взять денег на костюм?

В отчаянии она набрела на магазин Маршала Фильда и, заметив там молодого управляющего, лицо которого показалось ей располагающим, рассказала ему все без утайки, попросив дать ей красного и белого материала на воланы, а также кружев на оборки, чтобы она могла сделать костюм и получить ангажемент. Все это он должен был выдать ей даром, поверив на слово. Удивительно, но и тут Айседора добилась своего, поблагодарив подарившего ей и ее матери шанс на выживание Гордона Сельфриджа⁵ и пожелав ему всяческого счастья.

Пройдет всего несколько лет, и из скромного служащего одного из магазинов Маршала Фильда Гордон Сельфридж делается миллионером, и тогда уже знаменитая, извест-

ная всему миру Айседора напомнит ему о кусках материи, которые он одолжил незнакомой девушке, поверив ей на слово.

В тот же день Айседора вернулась к матери и уже осточертевшим помидорам. Услышав об успехах своей маленькой Дульси, мама мужественно приподнялась и, облокотившись о стену, до утра шила костюм. Так что на следующее утро, собрав все свои силы, Айседора отправилась на вторую пробу.

Ее ждали, оркестр был в сборе, Айседора выбрала популярную мелодию «Вашингтонская почта» и, когда заиграла музыка, выскочила на сцену, весело улыбаясь, подсакивая, кружась и лихо задирая стройные ножки. Управляющий аплодировал стоя, сразу же предложив 50 долларов в неделю и заплатив деньги вперед. Теперь мать и дочь Дункан уже не ждала голодная смерть и выселение на улицу. И хоть Айседора и не была в восторге от своего нового места работы, но у нее все равно не было иных предложений.

Выступление Айседоры делилось на две части – в первой она исполняла свои собственные танцы, во втором влезала в воланы и оборки и «задавала перца». Управляющий изготовил афиши, публика ликовала, и только Айседоре казалось, что она предаёт свой идеал и делает что-то ужасное, по меньшей мере, то, что делают продажные женщины. Поэтому, отработав деньги, она без сожалений покинула кафе на крыше, пообещав себе больше не опускаться до такой работенки.

Богемия и богемцы

Теперь у них появились хоть какие-то средства, но постоянной работы, увы, не было. В кафе требовались исполнители популярных песенок, плясуньи канн-канн или актеры входящей в моду пантомимы. Театры тоже не отличались стремлением к новаторству. В результате бесплодных поисков Айседора как-то вышла на помощницу редактора одной из крупных чикагских газет мисс Эмбер, которой изложила свои взгляды на танец. Окинув взглядом тощую девочку и ее осунувшуюся бледную от недоедания и нервотрепки мать, Эмбер все поняла, пригласив юное дарование вместе с родительницей присоединиться к местному художественному клубу «Богемия», где Айседора познакомится с артистами и литераторами, а также где она могла бы время от времени выступать перед публикой.

Айседоре было просто необходимо оказаться в компании единомышленников, людей, способных к нестандартному мышлению, которые, быть может, укажут ей, наконец, путь к славе. Заручившись приглашением Эмбер, они в тот же вечер явились в «Богемию», где застали толпу плохо одетых и дурно причесанных людей, весело распивающих пиво и то и дело поднимающих тосты за искусство, «Богемию и богемцев», друг друга и, разумеется, за добрейшую Эмбер.

Эмбер угадала – бесплатные бутерброды – вот, пожалуй, то, что действительно было нужно вечно голодным матери и дочери!

Когда пришло время выступить Айседоре, Эмбер показала ей, где можно переодеться, Дора села за инструмент и... богемцы ничего не поняли из того, что хотела сказать им своим танцем юная танцовщица. Когда смолкла музыка, воцарилась гнетущая тишина, которую внезапно разрушил чей-то пьяный выкрик.

– Молодец, девочка! Выпьем же за «Богемию» и богемцев!

– Выпьем! – оживились «люди искусства», после чего Эмбер велела вынести еще пару подносов бутербродов, а богемцы хлопали по плечам Дору и Айседору, радуясь дармовой выпивке и бесплатному зрелищу. Ошарашенная, сбита с толку танцовщица, в конце концов, была вынуждена смириться с происходящим, признавая, что даже если местная публика и не поняла ее танца, они не запретят им время от времени появляться в «Богемии», пользуясь теми же благами, что и остальные. А именно бесплатной едой.

Позже она узнает, что среди потрепанной публики, поднимающей за нее полные кружки пива, во время ее первого выступления в клубе, действительно были поэты и художники, музыканты и певцы, которых бескорыстная Эмбер поддерживала, как умела, на свои собственные средства. Эти люди приходили и приезжали отовсюду, они разговаривали на разных языках, но все они были людьми творческими, или, во всяком случае, так представляли себя. Художники несли Эмбер свои картины, которыми уже были завешены все стены, музыканты и певцы старались радовать публику по-своему. Некоторые из этих людей, возможно, жили в нищенских ночлежках, художественных коммунах или просто на улицах города, дожидаясь заветного часа, когда откроется клуб и можно будет перекусить и выпить. Тем не менее это были достаточно спокойные и неконфликтные люди, среди которых молоденькая танцовщица чувствовала себя в полной безопасности.

Однажды после очередного выступления в «Богемии» к Айседоре и ее матери подсел рыжий, голубоглазый поляк лет сорока пяти, представившийся Иваном Мироским. Айседора видела его и раньше, обычно он занимал столик в самом темном и дальнем углу кафе, что-то зарисовывая в блокнот, куря трубку и наблюдая с ироничной улыбкой за происходящим. Мироский оказался художником, приехавшим в Чикаго в надежде на легких заработок. Он тоже бедствовал, но, в отличие от вечно нищей Айседоры, у него время от времени появ-

лялись небольшие деньги, на которые он приглашал Дору и Айседору посидеть в недорогом ресторанчике или вывозил их на пикник за город.

Айседора много говорила с Мироским о своих танцах, вместе они строили планы создания собственного театра, где Иван будет расписывать декорации, а Айседора – танцевать. Найдя в рыжем художнике родственную душу, девушка влюбилась в него со всем пылом юности. Вместе они предстали однажды перед ожидающей чего-то подобного Дорой, сообщив ей о своем желании пожениться. Мама не возражала, Иван казался ей милым и вполне самостоятельным мужчиной. Было решено немного подождать, пока Айседора повзрослеет и окрепнет. Кроме этого, с женитьбой не торопился сам жених, рассчитывая в скором времени поступить в какую-нибудь контору, справедливо не полагаясь только на свой талант живописца.

Айседора решила, что Иван – ее единственная любовь на всю жизнь. Возможно, не будь юная Дункан столь целеустремленным человеком, влюбленная и восторженная, она бросилась бы на шею своего голубоглазого принца, дабы жить с ним в горе и радости. Но получилось по-другому, жизнь в нищете, постоянные тревоги за мать, страх, что придется снова облачаться в воланы и оборки и дрыгать ногами перед пьяной публикой, заставили Айседору немного пересмотреть свой план покорения Америки, а вместе с ней и всего мира.

– В Чикаго нам ничего не светит. Мы изначально промахнулись, выбирая этот городишко. Все настоящие театры в Нью-Йорке. Надо ехать туда, и если ничего не получится, остается бросать все и перебираться в Европу!

Иван и Дора соглашались с правотой Айседоры, но только легко сказать – поехать в Нью-Йорк, да только на что ехать? К кому ехать? Опять скитаться по улицам в поисках работы? Но если в прошлый раз у них были какие-то деньги и вещи, теперь мать и дочь балансировали на грани самой настоящей нищеты. Надо было найти выход, и вскоре Айседоре подвернулась такая возможность.

В то время в Чикаго гастролировал со своей труппой и приглашенной звездой – блистательной Адой Реган⁶ сам Августин Дейли⁷. Каждый божий день Айседора повадилась ходить к театру, в котором труппа «Дейлиз» давала свои спектакли, умоляя допустить ее к мэтру. Ей отказывали, говорили, что мистер Дейли занят, просил не беспокоить, что его нет, но Дункан не отставала, и, в конце концов, ее упорство было вознаграждено. Августин Дейли согласился принять ее после очередного представления.

Мистер Дейли показался юной Дункан, по меньшей мере, королем, так величественно он выглядел, с такой высоты взирал на всех и каждого. Девочка оробела, но быстро взяла себя в руки, слова слетали с ее губ, и она подкрепляла их жестами, то и дело вскакивая, и пытаясь дотанцевать то, что не умела объяснить. Она говорила о Греции, о потерянном танце, который сумела возродить, о душе танца, лежащей в основе театра, а теперь незаслуженно забытой:

– Я должна вам открыть великую мысль, г-н Дейли, и вы, вероятно, единственный человек в стране, который способен ее понять. Я возродила танец. Я открыла искусство, потерянное в течение двух тысяч лет. Вы великий художник театра, но театру вашему недостает одного, недостает того, что возвысило древний греческий театр, недостает искусства танца – трагического хора. Без него театр является головой и туловищем без ног. Я вам приношу танец, даю идеи, которые революционизируют всю нашу эпоху. Где я его нашла? У берегов Тихого океана, среди шумящих хвойных лесов Сьерры-Невады. Мне открылась на вершинах гор Роки безупречная фигура танцующей молодой Америки. Самый великий поэт нашей страны – Уотт Уитман. Я открыла танец, достойный его стихов, как его настоящая духовная дочь. Я создам новый танец для детей Америки, танец, воплощающий Америку. Я приношу вашему театру душу, которой ему недостает, душу танцора. Так как знаете, – продолжала она, стараясь не обращать внимания на попытки великого антрепренера меня

прервать («Этого достаточно! Этого вполне достаточно!»), – так как вы знаете, – продолжала она, возвышая голос, – что родиной театра был танец и что первым актером был танцор. Он плясал и пел. Тогда родилась трагедия, и ваш театр не обретет своего истинного лица, пока танцор не возвратится в него во всем порыве своего великого искусства!

Августин Дейли (1838–1899) – американский режиссер, в 1893 г. открывший в Лондоне театр «Дейлиз»

Недоставало музыки и возможности показать то, о чем она говорила. Но опытный антрепренер уже понял, что имеет дело с хорошей танцовщицей и, что немаловажно, целеустремленной сильной личностью. По счастью, у него оказалась свободной роль в пантомиме, которую он и предложил юной Дункан.

1 октября начинались репетиции в Нью-Йоркском театре, где Айседоре следовало быть без опозданий. Театр «Дейлиз» – это шанс! Нью-Йорк – город, в котором намного больше возможностей, нежели в заштатном Чикаго.

Несостыковочка, где Нью-Йорк и где Чикаго? Но последнее обстоятельство отнюдь не смущало отчаянную девочку. Она четко видела свою цель и была готова посворачивать горы, окажись те ненароком на ее пути. Но если сама Айседора была готова идти за мистером Дейли пешком и в рваных туфлях, того же нельзя было сказать о ее многострадальной матери. Поэтому Айседора послала телеграмму домой: «Блестящий ангажемент. Августин Дейли. Должна быть в Нью-Йорке 1 октября. Телеграфно переведите сто долларов на дорогу». Хорошо, что сестра Елизавета продолжала преподавать танцы...

Конечно же, Айседора переживала вынужденную разлуку с Иваном, но да сколько еще будет таких разлук, когда они поженятся?! Что же до лучше знающей мужчин Доры, с некоторого времени она не питала особого доверия к великовозрастному женишку своей несмышленной дочери. Да и что говорить, мало ей невероятной разницы в возрасте, так еще и в таких летах и без гроша в кармане? Сорок пять – а за спиной ни недвижимости, ни приличной профессии... неужели ее красавица дочь не найдет себе в Нью-Йорке более привлекательного и благоустроенного мужа? Пусть даже из артистической среды, раз ей так нравится. Девчонка и так делает что пожелает, не сегодня-завтра вернется домой с пузом – и что тогда? Конец всем ее честолюбивым планам, мечтам и идеям? Однообразное существование между лавками мясника, зеленщика и булочника с голодным ребенком на руках при работающем, а то и пьющем супруге.

Деньги пришли вместе с уже уставшими ждать вестей из Чикаго братом Августином и сестрой Елизаветой, это несколько затрудняло задачу доехать до Нью-Йорка и устроиться там в ожидании первых заработанных Айседорой денег, так как теперь делить сто долларов приходилось не на двоих, а на четверых. Но веселую семейку как будто бы не пугали житейские трудности. Трогательно распрощавшись с любимым, Айседора пообещала ему, что пришлет вызов, как только получится немного заработать. И тогда уже они откроют театр своей мечты и отправятся на гастроли в Европу.

Айседора в театре

Рано утром мама Дункан и трое ее детей выбрались из вагона поезда на вокзале в Нью-Йорке и, не обращая внимания на услужливых носильщиков и извозчиков, отправились в пеший поход за самыми дешевыми комнатами. За этим делом прошел целый день, и только к ужину, усталые и измотанные, они все же получили ключ от дверей небольшого пансиона на одной из боковых улиц, прилегающих к 6-й авеню, где традиционно селились свободные от денег художники, актеры и музыканты. Умывшись с дороги и переодевшись, Айседора отправилась по указанному ей адресу, к театру господина Дейли. Вопреки постоянным подначкам Фортуны, девушку ждали и сразу же зачислили в труппу. Одно плохо, великий продюсер не пожелал выслушать по второму кругу о ее точно ниспосланном с неба танце, посоветовав быстрее освоить несложное искусство пантомимы и постараться понравиться специально приглашенной из Парижа несравненной и бесподобной Джен Мэй.

На первой же репетиции Айседора чуть не вылетела из театра, так как ей не удавалось повторить выразительные жесты примы. Собственно, Дункан никогда особо не жаловала пантомиму – считая ее искусством для глухих, но тут пришлось стараться, забывая об амбициях и запрятав куда подальше свое мнение. Первая репетиция закончилась в слезах, на второй, когда Айседора получила роль Коломбины и по пьесе целовала Джей Мэй (Пьеро) в щеку, великая актриса потребовала, чтобы новенькая вложила в поцелуй всю страсть. – Откуда несчастная Айседора должна была знать, что на сцене и тем более в пантомиме все делается условно?! В результате на напудренной щечке примы образовался красный след от помады, а на лице нашей героини отпечатались тяжелая ручка не простившей ей такой конфуз актрисы.

Каждый день в театре «Дейлиз» для Айседоры был полон нервотрепки и унижений. Ей не нравилась пантомима и хотелось танцевать, бесили светлый парик, голубой шелковый костюм и соломенная шляпа. Каждый день несчастная танцовщица задавалась вопросом: что она делает в театре? в Нью-Йорке? и не ошибкой ли было покинуть родной Сан-Франциско, где она могла заниматься любимым делом? Чикаго, где ее знали и понимали «богемцы», где остался Иван?

Меж тем Дейли не собирался платить своим актером вперед, а ни брат, ни сестра так и не нашли себе работу в Нью-Йорке, деньги закончились, и они вылетели из удобного пансиона за неуплату, устроившись в двух комнатах без мебели на 180-й улице. Теперь Айседоре приходилось раньше выходить из дома, так как театр располагался на 29-й улице, а денег на транспорт у девушки не было: «Чтобы путь казался короче, я придумала целый ряд способов передвижения: бежала по грязи, ходила по деревянным тротуарам и прыгала по каменным. У меня не было средств на завтрак и, пока все уходило подкрепиться, я забиралась в литературную ложу и в изнеможении засыпала, а потом на голодный желудок снова принималась за репетицию». Семь долгих недель приходилось экономить на всем, чем угодно, прежде чем в театре ей выдали первое жалованье.

На премьерном спектакле в зале на первом ряду сидели мама, сестра и брат. Горе и позор – они видели свою несравненную Айседору, на которую возлагалось столько надежд, которая самозабвенно рассказывала им о революции в театральном искусстве, танце, и... каков результат?!

Сразу после спектакля мама потребовала от Айседоры немедленно вернуться домой. Но это было бы слишком глупо.

Посчитайте сами – шесть недель было потрачено на репетиции спектакля, за которые актером не платили, затем премьеры, и только через неделю первое жалованье. Теперь труппа отработывала три недели в Нью-Йорке, после чего отправлялась на гастроли. Это был гаран-

тированный кусок хлеба и для Айседоры, и для всей ее семьи. Уйти в этот момент? Уйти, не собрав урожая? Да за одну только неделю на гастролях рядовым актрисам начислялось целых 15 долларов! Айседора клялась и божилась, что с нее достаточно и семи с половиной, а остальные она будет честно высылать матери.

Решив, что это единственный возможный выход из положения, Дора смилиостивилась, позволив Айседоре ехать с театром.

Америка – огромная страна, в ней множество больших и маленьких городов, в каждом из которых труппа давала по одному спектаклю, после чего актеры собирали чемоданы и отправлялись в новое путешествие. Вся труппа мистера Дейли размещалась в заранее забронированных гостиницах, и одна только Айседора, прибывая в новое место, брала свой сундук и мужественно шла, куда глаза глядят, выискивать жилье подешевле, зачастую ночуя на голом полу, страдая от клопов и пьяных криков за стеной. Высылая матери 7,50 в неделю, Айседора умудрялась сокращать собственные расходы вполтину, живя в день на 50 центов. «Как-то мне отвели комнату без ключа, и мужское население квартиры, почти поголовно пьяное, все время пыталось проникнуть ко мне. В ужасе я протащила тяжелый шкаф через всю комнату и забаррикадировала им дверь, но и после того не решалась заснуть и всю ночь была настороже».

Пытаясь отвлечься от тошнотворного чувства голода, Айседора читала все, что только попадалось ей на глаза, и постоянно писала Ивану Мироскому, о котором думала, не переставая, представляя его героем то одного, то другого романа. Два месяца длилось турне, после чего Айседора, наконец, вернулась в Нью-Йорк, кинувшись в объятия давно ожидающей ее матери.

Поначалу все казалось более или менее просто – она вызовет Ивана или сама вернется к нему в Чикаго. Теперь же – повзрослев и хлебнув лиха, Айседора понимала, что никакого Чикаго в ее жизни уже не будет. Да и то верно, возвращаться для того, чтобы питаться дармовыми бутербродами и пивом в «Богемии»? или «задавать перца» в дешевых забегаловках?! Как она ни экономила во время турне, а денег все равно не скопила. В довершение всего в Нью-Йорк приехал Раймонд, так что одним ртом сделалось больше. Оставалось снова идти на поклон к Дейли, в надежде, что он займет ее еще в каком-нибудь спектакле.

Оказалось, что второй состав труппы во время отсутствия Дункан поставил «Сон в летнюю ночь», в котором пока еще пустовало место танцовщицы на роль феи. Спектакль показывали несколько раз на родной сцене, после чего труппа отправлялась на очередные гастроли.

– Нужен очень легкий, воздушный танец в лесной сцене перед появлением Титании и Оберона. Прозрачная бело-золотая туника, легкие серебряные крылышки... Справитесь?

Айседора немедленно заверила Августина Дейли, что танец – ее стихия. И ее фея будет самой воздушной и нежной, и не надо никаких крыльев. своим искусством она сделает так, что зрителю будет казаться, будто фея летает.

– Нет. Фея должна быть с крыльями, и точка, – оборвал ее Дейли.

– Тогда можно я хотя бы не буду надевать это гадкое трико? – Айседора брезгливо протянула Дейли старое, заношенное кем-то трико цвета свежей семги.

– Разумеется, нет. В моем театре танцовщики не будут выступать без трико и танцевальных туфель, – строго насупил брови Дейли. – Даже в кафе-шантанах плясуньи не обнажаются до такой степени. Голое тело – это так неприлично!

Больше всего Айседоре хотелось возразить, сказав, что благородная матовость человеческого тела прекрасна и выглядит более натурально, нежели блестящее розовое уродство, что из-за розовых «лапок» танцовщиц зачастую называют гусынями, что греки не стеснялись наготы, но. она так больше ничего и не сказала в тот день, а только покорно кивнула, скромно потупив глазки. Видя, что девушка выкинула из головы идиотские идеи относи-

тельно возможности появиться на сцене одетой неприличным образом, Дейли сообщил, что после того, как она отработала в первом спектакле, ее актерская ставка возрастает сразу до 25 долларов в неделю. И осчастливленная Айседора побежала репетировать танец под скерцо Мендельсона.

На премьере фея Айседоры порхала по сцене нежная и грациозная, девушка была счастлива тем, что танцует, а не играет в пантомиме. В конце танца публика разразилась аплодисментами. Танцовщица поклонилась и выбежала со сцены, ожидая поздравления за кулисами, но вместо этого нарвалась на взбешенного Дейли. Оказалось, что в театре есть сцены, в которых зритель запланированно аплодирует актерам, ее же танец не входил в число таковых, более того, аплодисменты в зале сорвали появление героев, оттянув внимание публики на танец, которому не было никакого продолжения. Айседора чуть не заплакала от такой неудачи. При иных обстоятельствах господин Дейли должен был уволить смутьянку, сочтя ее поступок злонамеренным, но на следующий день труппа уезжала на гастроли и заменить мисс Дункан оказалось некем. Тем не менее все последующие спектакли танец Айседоры проходил на темной сцене. Зритель видел только белое порхающее по сцене существо без определенного пола и возраста. Но, собственно, так и было задумано с самого начала.

Внешне смирившись с происходящим, Айседора старалась честно выполнять свою работу, переезжая с труппой из города в город, мыкаясь по частным пансионам, меблированным и немеблированным комнатам. Однажды судьба занесла труппу в Чикаго, где, узнав из афиш о предстоящих гастролях, ее уже поджидал Иван Мироский. Айседора чувствовала себя на гребне счастья. Все свободное время они гуляли по лесу, обедая в крошечных кафе и строя планы совместной жизни. Да, теперь и Мироский начинал понимать, что Чикаго – не место для творческого человека. Айседора должна была вернуться с труппой в Нью-Йорк, и не более чем через месяц, уладив свои дела, Иван собирался присоединиться к ней, он так и не обрел постоянной работы, и здесь его ничто не могло удержать. Понимая, что приготовления к свадьбе неминуемо лягут на ее семью, и одновременно желая поделиться радостью, Айседора отбила телеграмму, в которой сообщала о своих планах. Ответ, подписанный Раймондом, пришел неожиданно быстро. «Мироский женат. Супруга проживает в Лондоне. Верь мне. Подробности при встрече».

Известие о том, что у Ивана есть супруга, было тяжелым ударом для Айседоры, но она не впала в депрессию, впредь стараясь избегать малейших упоминаний о своем бывшем женихе и мечтая о том времени, когда она сможет заниматься только своим искусством. Теперь у нее был кусок хлеба, крыша над головой, семья не голодала, хотя и не роскошествовала. Но все это было так далеко от того, о чем она мечтала, то, ради чего семья покинула подаренный отцом дом в Сан-Франциско, что заставляло ее жить, думая про каждый новый день, будто он приближает ее к заветной цели. А тут еще и Иван... пройдет немного времени, и Айседора Дункан будет бороться против института брака, ратуя за равные права мужчин и женщин, за свободную любовь. В то время она была вынуждена подчиниться матери, которая была расстроена всей этой историей с женихом не менее ее самой.

Новые попытки переговорить с Дейли и заинтересовать его своим искусством не привели ровным счетом ни к чему, великий человек держался раз выбранного направления, от которого не собирался отклоняться.

Тем не менее он предложил Айседоре небольшую роль в спектакле «Гейша», на этот раз танцовщица Дункан должна была петь в квартете! К тому времени Айседора уже со многим смирилась и научилась относиться к окружающему ее безумию с понятной снисходительностью, но петь?! Для девушки, которая даже своим куклам в детстве никогда не пела?... петь, но даже испытанный учитель музыки и пения Дора не сумела научить дочь вокалу... Напроситься в ученики к более опытному мастеру? Но где гарантия, что вообще что-то полу-

чится? Да и если все же начнет получаться, то ясное дело, через месяцы, годы, репетиция же назначена буквально на завтра! А значит, она либо согласится и подведет коллег, либо откажется и будет выброшена на улицу, и что тогда делать с висящей на ее шее семьей?

Дункан согласилась и на это, когда же партнерши стали жаловаться, что она отчаянно фальшивит, во время репетиций Айседора начала просто открывать рот, и дело пошло. Но теперь уже она не могла не взбунтоваться. Пантомима, танец почти в полной темноте. песня без голоса. что дальше?

Есть ли хоть какое-то оправдание нахождения бесспорно талантливой и весьма амбициозной Айседоры Дункан в театре, где ей ни за что не занять положение, о котором она мечтает? Неужели она всю жизнь будет заниматься только попытками хоть как-то выжить? И заодно любимыми жертвами, месяц за месяцем вытягивать свою семью из той финансовой ямы, по краю которой она ходит? Нет уж, хорошенького понемножку, решила Айседора, и, тряхнув рыжей шевелюрой, подала заявление об уходе.

На вольных хлебах

В театре господина Дейли Айседора пробыла целый год. За это время в семействе Дункан произошли приятные подвижки: Елизавета открыла школу танцев, а Августин вступил в театральную труппу – оба приносили домой деньги, и в финансовом смысле стало ощутимо легче. Приехавший позже других в Нью-Йорк Раймонд пытался продавать свои статьи в различные газеты и журналы, но пока что удача не желала замечать стараний молодого человека. Пока Айседора гастролировала с театром «Дейлиз», они наняли просторную художественную мастерскую без мебели, но с самой настоящей ванной! И приобрели по весьма щадящей цене 5 пружинных матрасов и столько же перин, которыми можно было укрываться. Идея с матрасами принадлежит Айседоре, еще во время своих скитаний по Чикаго она поняла, что, в сущности, матрас ни чем не хуже кровати, и уж намного лучше, чем спать на голом полу, к тому же покупка матраса обходится дешевле покупки кровати с этим самым матрасом. В то время как кровати занимают много места, матрасы можно поднять и прижать к стенке, центр комнаты освободится, и там можно будет спокойно репетировать. К сожалению, мастерская представляла собой одно-единственное помещение, так что жили они там, точно цыганский табор.

Сестра и брат Айседоры Дункан: Элизабет и Августин

Едва более-менее устроились, как предприимчивый Раймонд нашел возможность немного заработать, днем сдавая свое жилище учителям пения, музыки, танцев и декламации с почасовой оплатой. Когда подходило время очередного урока, семейство покидало мастерскую, гуляя по городу в ожидании, когда можно будет вернуться домой. Для своих прогулок Айседора облюбовала центральный парк, где она бродила, часто в полном одиночестве, мечтая, читая книжки или придумывая новые танцы.

Уйдя из театра господина Дейли, девушка сумела устроиться в студию Карнеги Холл, платили здесь гроши, но она снова получила возможность показывать свои танцы публике, ночи напролет репетируя дома, так как днем мастерская принадлежала по праву аренды чужим людям, и выступая вечерами. Как и в прежние времена, Айседоре аккомпанировала ее мать. Последнее время отчаянная Дора Дункан сильно сдала, кочевая, полуголодная жизнь и постоянные треволнения рано состарили эту отважную женщину, тем не менее она продолжала героически нести свой крест, всегда и во всем следуя за гениальной дочерью.

Впрочем, в Нью-Йорке действительно открывалось больше возможностей отыскать людей, которые могли бы оценить по достоинству искусство Айседоры. Еще работая в театре, мисс Дункан сумела завести знакомства, и теперь ее нет-нет, да и приглашали в частные дома с выступлениями. Достаточно интересной получилась программа, которую делали вместе: Августин, Елизавета, Дора и, естественно, Айседора. Я уже писала, что Айседора старалась проводить свободное время за книгой. Как-то раз ей в руки попался сборник стихов Омара Хайяма в переводе Фицджеральда. Она танцевала у себя в мастерской под импровизации Доры, а потом, когда та устала и захотела прилечь, Айседора пыталась произносить текст, при этом делая танцевальные движения. Ничего не получалось. Танец – ревнивая штука, когда ты отдаешься движению, невозможно двигаться, не включая в процесс голову. Но если в танец включена вся танцовщица, то есть совсем вся, без остатка?.. никаких мыслей, никаких стихов... в какой-то момент Августин сжалился над сестренкой и, подняв с пола брошенную ею книгу, начал читать рубаи. Голос брата, декламирующего стихи, подействовал на Айседору, как музыка. И она заскользила по полутемной комнате, купаясь в лунном свете. Когда брат выдохся, ему на смену пришла Лиза. Все это время Айседора ощущала себя натянутой струной, на которой два голоса, когда поочередно, а когда и вместе играли, точно на чувствительном музыкальном инструменте. Она вся обратилась в чувство, пытаясь сохранить в телесной памяти то незабываемое ощущение проходящих сквозь нее стихов. А потом вдруг откуда-то появился легкий теплый ветер, туника Айседоры наполнилась им,

превратившись в чувствительный парус. И вот она уже несется быстрее, быстрее, медленнее, угасая, умирая, чтобы воскреснуть со следующей строкой. В стихах тоже есть музыка.

Вот такой спектакль приготовили господа Дункан взыскательной салонной публике Нью-Йорка. После представления молодая дама с левреткой на руках протянула Доре визитную карточку с загнутым уголком, приглашая в следующую субботу на свою виллу. На самом деле Айседоре и ее компании следовало подумать об опытном импресарио, который занимался бы только ими, но почему-то никому не приходило это в голову. Они радовались любому приглашению, а когда приглашений не поступало, играли и танцевали для друзей.

На визитке был записан адрес виллы в Ньюпорте, куда Айседора должна была прийти, дабы станцевать перед госпожой Астор⁸ и ее гостями на лужайке перед домом. Фамилия Астор ничего не сказала мало интересующейся светской жизнью Айседоре, но страшно взволновала ее брата Раймонда. Так как мало кто в Америке тех лет не слышал о госпоже Астор, в доме которой собирался весь высший свет. Журналисты ловили каждое ее слово, одно колкое замечание всемогущей Астор относительно небрежности в туалете знаменитой актрисы или светской дамы немедленно делало последнюю в глазах общественности вульгарной, жадной, а то и вовсе голой. Любая произнесенная великой Астор фраза немедленно возводилась в рамки закона.

Люди теряли в присутствии этой дамы дар речи, а то и вовсе оказывались на грани обморока, но к юной Дункан Астор отнеслась с добротой. Когда в назначенный час Айседора, Дора и Елизавета, в этот день они выступали чисто женским коллективом, подъехали к вилле госпожи Астор, та, не доверяя слугам, сама снизошла до встречи артистов, предложив им с дороги по чашечке кофе. После представления, устроенного, как и предсказывал Раймонд, для высшего общества, приглашенный по такому случаю фотограф сделал снимок, на котором госпожа Астор сидела в кресле рядом с Гарри Лэером и окруженная Вандербильтами, Бельмонтами, Фишами и еще многими людьми, имена которых Айседора не запомнила. Этот снимок позже Астор выслала Дункан с пожеланиями ей всяческой удачи. А удача пришла вместе с благословением несравненной Астор. Я ведь уже упоминала, что любое слово, произнесенное этой непостижимой женщиной, немедленно принималось на веру. Поэтому ничего удивительного, что после представления на вилле Астор танцовщицу пригласили еще в несколько домов...

Как-то раз Айседоре Дункан пришла идея сделать танец без музыки и даже без стихов. Только танцовщица и доступные ей изобразительные средства. Не пантомима с ее условным немым языком. Танец.

В тот день Айседора танцевала на небольшой сцене-ракушке в парке, небо было хмурое, прохладный ветерок нес обещание скорого дождя. Под этим серым низким небом девушка в белой тунике рассказывала о своей борьбе и любви. может быть, о несостоявшейся любви к уже полузабытому красавчику Верною, или Ивану Мироскому, который так хорошо понимал ее. Она говорила о своей любви к движению, обнимая руками пытающееся задавить ее тяжелым серым брюхом небо. то подпрыгивая и взлетая, то застывая в позе узнаваемых греческих статуй. в какой-то момент из зала выкрикнули: «Это девушка и смерть!»

– «Девушка и смерть» – неплохое название для танцевального спектакля, – мгновенно оценила находку Дора.

– Мой танец было бы правильнее назвать «Девушка и жизнь», – ответит ей через много лет Айседора.

На этих небольших гастроях по гостиним и усадьбам знати Айседора, ее сестра и мама сумели прилично заработать, но танцовщица была жестоко разочарована увиденным и услышанным в свой адрес. С одной стороны, все складывалось как нельзя лучше – девушку засыпали комплиментами, со всех сторон доносился восторженный шопот, «как она прелестна, очаровательна, восхитительна!», но... сколько Айседора не пыталась поговорить

с этими людьми, изложить им свои взгляды на искусство и, в частности, культуру движения, объяснить истоки своего танца, то, что она хотела бы сказать своими спектаклями. — эти люди оставались непростительно, для своей образованности и знания жизни, глухи. И в Айседоре они видели в лучшем случае очарование юности, а в худшем — возможность поглазеть на полуголую хорошо сложенную девушку, которая танцевала так близко, что можно было насладиться зрелищем в полной степени. В то время женщины затягивали себя в тесные корсеты, делали сложные прически и носили невероятные шляпы, само появление одетой в тунику с голыми ногами девушки зачастую воспринималось как нечто вызывающе-неприличное. Люди могли гулять вместе с детьми среди обнаженных статуй, но вид обнаженного тела вызывал стойкую ассоциацию с проституцией.

Время от времени Айседора и ее мать получали недвусмысленные предложения, которые с отвращением отвергали. Один пожилой господин, представившийся знатоком искусства, много путешествовавшим по востоку, выслушав пламенные речи юной танцовщицы и, для начала назвав ее воплощением музы танца Терпсихоры, позже пытался узнать, действительно ли под туникой на теле Айседоры нет ни нитки? Верно ли то, что она пляшет с неприкрытым естеством, как это делали в Древней Греции. от всех этих рассуждений Айседору тянуло засунуть два пальца в рот и. она чувствовала себя отравленной, измученной, оскверненной.

Айседора разрывалась от желания поделиться наболевшим, но если в кафе «Богемия» ее и были готовы слушать, но не понимали из-за отсутствия элементарного кругозора, в высшем свете к актерам и тем более плясуньям, в лучшем случае, относились как к слугам.

Америка была не готова принять и воспринять танец босоногой Афродиты, пройдет время, и ее будут принимать в лучших домах Лондона и Парижа, но. Айседора была просто обязана воспитать своего зрителя!

Многим позже в Париже, где мисс Дункан быстро вошла в моду и принималась не только аристократами, но и людьми искусства, она будет танцевать в особняке графини Элизабет Греффюль (полное имя Мари Жозефина Анатоль Луиза Элизабет де Караман-Шиме, графиня Греффюль), дом № 8—10 по улице д'Асторг. Во всеуслышание ее сиятельство назовет Айседору возрождением греческого искусства, и на следующий день после выступления, окрыленная лестным отзывом и замечательным приемом девушка отправится получать свой гонорар в лакейскую.

Для гордой, амбициозной Дункан подобная перемена более чем обидна, ведь буквально вчера ее окружала блистательная публика, за чашечкой кофе в гостиной обсуждали «Афродиту» Пьера Луиса... Все было так замечательно и возвышенно, если не учитывать самого факта, что небольшую сцену, отгороженную от основной гостиной статуями амуров, почти полностью занял утыканный алыми розами, точно жертвенник, трельяж. Возле этой горы цветов было ни подпрыгнуть, ни сделать мах ногой, там вообще негде было танцевать. Весь танец Айседора страдала, вынужденная ютиться на узком пяточке и не имея возможности продвинуться хотя бы в сторону зала, так как в этом случае она в буквальном смысле слова натыкалась на зрителей.

В общем, выступление было кошмаром, а оплата. на следующий день Греффюль прислала ей записку, в которой как раз и сообщала, что деньги за выступление госпожа Дункан может забрать в лакейской. Если бы у семьи Дункан были средства к существованию, она бы гордо отказалась от этого гонорара, но. много денег у них не было никогда, и, сдержав первый порыв гнева, вчерашняя богиня танца была вынуждена пешком тащиться через весь Париж, дабы получить свой заработок Но все это случится еще не скоро.

Пройдет время, Айседоре станут платить высокие гонорары, у нее будут брать интервью, на нее станут смотреть как на редкое явление, и при этом ее мысли и идеи, ее благородные порывы и щедрые предложения принципиально станут игнорировать, не замечать,

обходить стороной. Неоднократно ее будут пытаться купить, но понять, бедная, бедная Айседора – твое время еще не пришло. Что же до Элизабет Греффюль, она была известна как весьма щедрый меценат, помогающий многим деятелям искусства своего времени. Кроме того, ее сиятельство вращалась в высшем обществе, была близкой подругой великой княгини Марии Павловны, среди гостей в доме Греффюль неоднократно появлялся великий князь Павел Александрович, во многом она способствовала успеху дегилевского Русского балета в Париже. Красотой и остроумием графини восхищался Марсель Пруст, который еще только напишет в 1913 году роман «В поисках утраченного времени», для которого Элизабет послужит прообразом герцогини де Германт. В общем, с такими людьми было полезно общаться, их же нрав и привычки приходилось терпеть.

Жизнь на грани

Тем не менее Айседора завела полезные знакомства, обеспечивающие ей редкие приглашения в богатые дома. В то время Ньюпорт имел славу модного курорта, куда в сезон съезжались отдыхающие, и на берегу моря было не протолкнуться между дамами, одетыми во все черное, и господами, облаченными исключительно в полосатые костюмы. Но если мужские пляжные одежды не отличались разнообразием, то женские «купальники» радовали взгляд безумным разнообразием фасонов, впрочем, юбки ниже колен, корсеты, чулки и купальные туфли всех оттенков черного. Выходя из воды, купальщики отдыхали на солнышке, потягивая прохладительные напитки и суша на себе вымокшие в море купальные костюмы, после чего переодевались в специальных помещениях, дабы из черного и полосатого перебраться в светлое и легкое, головы дам украшали изящные шляпки всевозможных цветов и фасонов, над шляпками вздымались легкие, точно облачка, кружевные зонтики.

Во время сезона танцовщики, певцы, целый день просиживающие на набережных и в парках уличные художники и прочая артистическая братия получали возможность немного заработать, чем воспользовалась и наша героиня. Одно плохо, если вначале Айседора полагала, что место, которое просто притягивает рафинированную публику, позволит ей отыскать единомышленников, то после нескольких неудачных попыток она поняла, что ищет не там. Кто же говорит о серьезных делах на отдыхе? Актеры, певцы, танцоры, съезжающиеся на сезон в Ньюпорт, были не более чем красивыми игрушками, никто не интересовался ими всерьез, да и они сами не считали возможным сидеть в кафе, рассуждая о высоком.

«Мы опять ошиблись, выбирая Нью-Йорк и Ньюпорт. Америка не готова принять мой танец, – расхаживая по комнате, Айседора старалась говорить медленно, подбирая правильные слова. – Что может дать переезд из города в город – здесь те же люди. И плевать, что в Америке собрана богатейшая палитра самых разных национальностей, плевать, что сюда приезжали и будут приезжать гении и виртуозы. Если на этой почве что-нибудь когда-нибудь и произрастет, это будет ой как не скоро. Во всяком случае, мы не можем ждать. Я не могу ждать». Айседора ставила вопрос и ждала, когда слушатели сами дадут ей ответ – рецепт, как, наконец, выбраться из преследовавшей их семью нищеты и начать заниматься настоящим делом, прославиться, заявить о себе.

Ответ был очевиден, но пугал настолько, что из всей семьи произнести его могла одна только Айседора. Если Америка не готова принять ее прогрессивный танец, нужно ехать в Европу. Вот где настоящие не скованные предрассудками умы, вот где свобода.

Вернувшись в Нью-Йорк, Айседора не находила себе места, потому что одно дело – переехать в другой город, и совсем иное – в другую страну. В случае с Айседорой ситуация действительно пиковая, ведь за ней следовала вся ее семья...

Девушка плохо спала, видя во сне кошмарный переезд и то, как она вновь остается без гроша и братья, сестры, мама сидят на сундучках и узлах, жалостливо заглядывая ей в глаза, а она. много раз Айседора просыпалась от собственных слез. Да, она могла перетерпеть голод и нищету, могла жить, где придется. но мама. но.

Днем в мастерской не поспишь, не поработаешь, даже не считаешь, потому что весь день помещение арендовано какими-то декламаторами, певцами, брр. несчастная мама вынуждена покидать теплый дом и бродить неведомо где. Если молодым тяжело, то каково ей? Иной раз дождь стеной, ледяной ветер, лужи под ногами. Хорошо, конечно, забраться в теплое кафе, но если бы у них были деньги на кафе, разве стали бы они сдавать мастерскую?

Первой заговорила о необходимости переехать на новое место до этого тихо безропотно сносящая трудности Елизавета. В Нью-Йорке она открыла школу танцев, и с некоторого времени дела пошли. Теперь, кроме детских групп, у нее были взрослые ученики и уче-

ницы, которым она преподавала светские танцы. Поэтому Елизавета объявила семье о том, что для нее как для известной в городе преподавательницы танцев непростительно ютиться в какой-то сомнительной мастерской, куда и пригласить-то никого нельзя. Смешно сказать – они снимают ателье, сдавая его другим людям, а она вынуждена бегать по урокам и так же арендовать помещение для дополнительных занятий.

Нужен такой дом, куда к ней или любому члену семьи могли бы зайти их знакомые, идеально подходит гостиница «Виндзор», пользующаяся доброй славой.

Айседора Дункан в спектакле «Сон в летнюю ночь»

«Конечно, если мы снимем две большие комнаты на первом этаже, это будет стоить весьма и весьма недешево – целых 90 долларов в неделю, но за эти деньги гостиница предоставит нам завтрак. Кроме того, проводя занятие в одном помещении, мы можем переходить в другое или даже сидеть в уютных креслах в большом гостиничном холле».

Елизавета посмотрела обе комнаты, сочтя их идеальными для занятий танцами и более чем подходящими для жизни. Говоря об удобных креслах, она косилась в сторону простуженной после недавней прогулки Доры, о которой следовало позаботиться в первую очередь. Но целых 90 долларов! Несмотря на то что сумма выглядела неподъемной, прогулявшись до «Винздора» все вместе и взвесив «за» и «против», семейство Дункан пришло к выводу, что это выход из положения хотя бы на холодное время.

Августин репетировал роль Ромео в небольшом театре, его труппа собиралась на очередные гастроли, так что гостиница его пока не интересовала. Раймонд днем удалялся в библиотеку, где читал или писал рассказы или статьи, так что Айседора и Елизавета решили, что соберут много учеников и будут все время эксплуатировать вторую комнату, чтобы оплатить ужасный счет.

Но, как назло, желающих заниматься танцами с каждым днем становилось все меньше и меньше, и семейство Дункан продолжало сидеть в дорогой гостинице, не находя себе применения и не понимая, откуда, в конце концов, свалятся деньги, которыми они оплатят свой кров. Самое неприятное, что просто съехать, не заплатив, как это они частенько проделывали,

вали в частных домах, на этот раз бы не получилось, так как здесь их хорошо знали и хозяева гостиницы непременно вызвали бы полицию. Что делать?

«Единственное, что нас может спасти, – это пожар гостиницы!» – в отчаянии ляпнула Айседора, и на следующий день гостиница «Винздор» сгорела вместе с несколькими не успевшими выбраться из своих номеров гостями и почти всеми вещами семьи Дункан. По счастью, находящаяся в это время дома Елизавета успела вывести из пылающего здания всех своих учеников, с которыми в то время занималась. Спокойным голосом она велела напуганным малышам взяться за руки и выходить из гостиницы парами.

Практически все купленные за сезон вещи были утеряны, так как спасшую детей Елизавету пожарные не пустили в горящее здание вторично. Но больше всего Дора и ее дети плакали не о платьях и теплых зимних вещах, без которых теперь им было так трудно. Вместе с нательными вещами, включая необходимую смену белья, погибли книги и семейные портреты, которые они перевозили с собой с квартиры на квартиру.

Впрочем, никто из членов семьи не пострадал, и вскоре прибывшая на место трагедии Айседора отвела всех в гостиницу «Бэкингэм», где они сняли одну комнату. Прошло несколько дней, и деньги закончились, а семья Дункан вновь сидела подле уже поднадоевшего разбитого корыта. Не представлялось возможным арендовать помещение для новой школы, сезон закончился, и Айседора уже не получала приглашений в частные дома, Раймонд по-прежнему писал в стол, оставалось ждать появления Августина хоть с какими-то деньгами.

И он приехал!.. с молодой шестнадцатилетней женой, играющей на сцене Джульетту, но в настоящее время оставившей сцену из-за беременности.

Услышав о пополнении в семействе, Раймонд устроил истерику, крича, что брат все погубил. Так что посторонние зрители могли вообразить себе, будто находящийся на гастролях Августин умудрился тайно вернуться, дабы спалить гостиницу со всем имуществом. Елизавета сидела уставившись в стену, мать замкнулась в себе, отказываясь знакомиться с невесткой или разговаривать с собственным сыном, на которого возлагались такие надежды, одна только Айседора, накинув на плечи единственный уцелевший в доме платок, согласилась нанести визит новой родственнице.

Заранее предчувствуя, что его встретят как вероотступника, Августин снял комнату, где и ждала его страдающая от токсикоза Джульетта. Бедные молодые люди... начало их семейной жизни было омрачено.

Из-за постоянной тошноты и головокружения супруга не могла работать, а так как семья не приняла ее, то не было и речи о том, что сестры или мать возьмутся выхаживать это чахлое, замороженное создание или помогут с ребенком, когда тот появится на свет.

Побыв у брата и его жены не более часа, Айседора была вынуждена признать, что сама судьба гонит их семью в Лондон, не давая спокойно жить и работать. Впрочем, исключив из грандиозных семейных планов по покорению Европы Августина, Айседора была вынуждена признать, что теперь необходимая для переезда и устройства на новом месте сумма сократилась на билет и питание для одного человека.

На обратном пути Айседора мысленно припоминала все богатые дома, в которых ей удалось танцевать в прошлый сезон. Прикинув, что некоторые из ее недавних клиентов проживают в Нью-Йорке, девушка решила посетить их все до одного, с единственной целью – рассказать о своих планах и попытаться выклянчить хоть какие-нибудь деньги на этот проект.

Одна из приятных дам, с которой Айседора познакомилась у госпожи Астор, занимала целый дом на 59-й улице с окнами на Центральный парк. Дама помнила юную танцовщицу и согласилась принять ее, после чего Айседора поведала о постигших ее семью утратах, заметив при этом, что единственный способ для нее встать на ноги и добиться признания –

переезд в Лондон. Выслушав гостью, дама позвала своего секретаря и выдала девушке чек, благословив ее на переезд.

Айседора бежала домой, приплясывая и подпрыгивая на ходу, ее возбуждение прошло, когда она догадалась посмотреть на подаренную ей сумму и обнаружила, что там всего 50 долларов...

«Что же, с почином», – зло поздравила себя танцовщица и пошла в сторону 5-го авеню, где жила другая ее знакомая – супруга известного миллионера и мецената. От 59-й улицы до 5-го авеню 50 кварталов, которые принципиальная Айседора проделала пешком. Там она получила еще 50 долларов, при этом в самый пик объяснений с хозяйкой дома Айседора грохнулась в самый настоящий голодный обморок, что неудивительно, если на часах четыре часа, а ты еще не завтракала.

Выписывая чек, дама отчитала Айседору за ее неправильные мечты и нежелание учиться классическому балету. Впрочем, заметив плачевное состояние гостьи, сжалилась и велела лакею принести ей чашечку шоколада и сухарей, дабы девушка могла поддержать свое здоровье.

– Вернете их мне, когда разбогатеете, – потребовала она наставительным тоном.

Поблагодарив за чек и шоколад, Айседора продолжила поиск денег, обходя один за другим дома знакомых богачей и получая где двадцать, где тридцать, а где и снова 50 долларов. В результате скопилась сумма в 300 долларов, которой не хватало даже на путешествие вторым классом пассажирского парохода. А ведь в Лондоне нужно было еще где-то поселиться и чем-то питаться.

Получив не только деньги, но и новые предложения потанцевать на частных вечерах, Айседора глубоко задумалась. Нет, она обожала свое искусство и была готова выступать хоть каждый день, к тому же деньги были необходимы, оставалось решить, в чем выступать? Ведь все ее туники сгорели вместе с прочими вещами в гостинице.

«Нет костюма – ерунда, кого это когда-нибудь останавливало», – решила Дункан. – Найдя среди уцелевших вещей легкий шелковый шарф, с которым иногда выступала, подбрасывая его в воздух или позволяя тянуться за собой, подобно золотому плащу, проделала в нем дырку для головы, опоясалась шнуром от гостиничной шторы и выскочила в таком виде на импровизированную сцену.

С одной стороны, это был действительно греческий костюм, но зрители... зрители увидели почти полностью обнаженную актрису!

И это в то время, когда на сцене бытовало множество принятых условностей. Танцовщицы были обязаны плясать в трико, на пуантах или, по крайней мере, в закрытых туфлях. Если посмотреть ранние фотографии Айседоры, можно обнаружить, насколько постепенно она отказывалась от всех этих атрибутов старого танца.

В своей работе об Айседоре Дункан хореограф Агнес де Милль писала: «Дункан была метлой, убравшей весь лишний мусор, – до нее театр не переживал такой грандиозной уборки».

Но мы оставили нашу героиню с собранной ею кругленькой суммой в 300 долларов, которых не хватало даже на билеты второго класса. Что делать? Снова ходить с протянутой рукой или. Тут, наконец, за дело взялся Раймонд, который очень быстро отыскал устроившее всех решение: «Если мы не можем ехать в Европу как люди, поедem как скотина!» – улыбаясь во весь рот, сообщил он. Загадка разрешилась достаточно быстро. Будучи журналистом, Раймонд время от времени бывал в порту, где свел знакомство с капитаном небольшого пароходика, перевозившего грузы. На этот раз «плавучий грузовик» держал путь в Гуль с партией скота. Выпив с Раймондом в портовом кабачке, капитан был так добр, что согласился нарушить закон и провести четырех пассажиров за более чем скромную плату.

Не желая называть свою настоящую фамилию, все-таки они держали собственную школу танцев и были вхожи в самые богатые и влиятельные дома Нью-Йорка, Раймонд сообщил капитану, что едет семья О'Торман – девичья фамилия мамы.

К слову, несмотря на свой свободолюбивый характер и откровенно эпатажное поведение и речи, которые еще предстоит в своей жизни произнести великой Дункан, Айседору всю жизнь будет живо интересовать мнение о ней окружающих. Так, однажды, уже в пору шумной известности неистовой Айседоры, как окрестит ее пресса, один театральный критик напишет в своей статье о ее немзыкальности и отсутствии чувства ритма. Взбешенная грубым наветом, танцовщица употребит все свои связи на поиск обидчика, напишет ему вежливое письмо, умоляя зайти к ней в мастерскую, дабы она могла рассказать о своем искусстве и доказать, что она музыкальна, специально потанцевав перед критиком. Вскоре он отозвался и действительно заглянул к мисс Дункан.

После формального представления за чашечкой чая Айседора битый час рассказывала новому знакомому о своей жизни и философии нового танца, отмечая его отличие от классического балета. В какой-то момент ее пламенной речи гость вдруг не выдержал, перебивая знаменитую босоножку на полфразе:

– Простите, мисс Дункан. Но я абсолютно ничего не слышу...

Лондон и его нравы

Дорога была воистину ужасна, и не факт, что, узнай они все, что им придется выстрадать на своем пути к призрачной славе, отчаянное семейство согласилось бы на подобную авантюру.

Америка поставляла в Европу мясо, еще точнее – живых коров в количестве нескольких сот голов, которые стояли плотно прижатыми друг к другу в тесном трюме, не имея возможности ни походить, ни толком поесть. Они тыкались друг в друга рогами, наносили удары копытами, все время жалобно мычали и стонали, испражняясь себе под ноги и требуя хоть какого-то корма.

В результате двухнедельного путешествия Раймонд наотрез отказался когда-либо употреблять мясо животных, сделавшись убежденным вегетарианцем.

Вещей было совсем немного, собственно, все сгорело в гостинице, каюты на грузовом судне оказались крошечными, койки – жесткими, из всей находящейся на пароходе еды питаться можно было одной только солониной, запивая это невзыскательное блюдо отвратительным чаем. Кроме того, все время нестерпимо воняло навозом, так что в конце путешествия стало казаться, что им пропахло абсолютно все, от волос до одежды и еды. Тем не менее настроение было хорошее и никто не заболел, а Магги О’Торман (так представил Раймонд Айседору) строила грандиозные планы покорения Европы.

Лунные ночи на палубе, помощник капитана вызывал из каюты мисс Магги, которая ему очень нравилась.

«Право, Магги О’Торман, я был бы вам хорошим мужем, если бы вы позволили», – мечтательно произносил он, рассеянно разглядывая луну и звезды. Его серенаде вторило многоголосое мычание. Время от времени капитан с Раймондом варили грог, которым угощали экипаж и пассажиров, а воздух благоухал морской свежестью и коровьим навозом.

Они прибыли в Гулле и там сели на поезд до Лондона. По объявлению в «Таймс» отыскивали квартиру недалеко от Мраморной арки. Лондон поражал, восхищал, очаровывал... всю первую неделю они гуляли, гуляли, гуляли. Вестминстерское аббатство, музей в Южном Кенсингтоне, Лондонская башня, Ричмондский парк, Британский музей, Гамптон Корт, спектакль «Укрощение строптивой» с несравненной Эллен Терри⁹ в главной роли. Они забыли про работу, необходимость устроиться на новом месте, о своей цели. Лондон поглотил их, то и дело заставляя восторгаться и очаровываться. Привыкшие работать и во всем себе отказывать, члены семьи Дункан вдруг превратились в беззаботных туристов, приехавших в Англию на каникулы. Дорогие театральные билеты – ерунда, нет способа лучше узнать актрису, чем увидеть ее спектакли от первого до последнего в афише. А Эллен Терри играла в шекспировских пьесах, которые так любили все члены семьи. Ах, как хочется познакомиться с Эллен, поговорить об искусстве, просто посидеть рядом, но где Терри, а где малышка Айседора? С какой стати великая актриса станет сводить знакомства с обычной девушкой, даже если та хорошо танцует и может рассказать много интересного? Для Эллен Терри Айседора никакая не подружка, в самом крайнем случае она могла бы, наверное, позволить миловидной девушке с забавным американским акцентом понести за ней царственный шлейф, вроде тех, что она таскает за собой по сцене, или. удочерить? Айседора думает о Терри, пытается представить, какая она в быту? какая со своими детьми? Много ли проводит времени дома, или ради искусства приходится не вылезать из театра? Жить, переезжая из города в город, из страны в страну? Об актрисе Терри известно, что у нее имеется внебрачный сын от архитектора Эдварда Годвина, всего-то на пять лет старше самой Айседоры. Правда, об этом не принято говорить, тем более выставлять на всеобщее обозрение, да Эллен и сама не стремится демонстрировать миру будущую звезду театра Эдварда Гордона

Крэга¹⁰. Айседора еще не знает, что через несколько лет ее собственная жизнь теснейшим образом сольется с этим, неведомым ей сегодня мальчиком, через которого она, в конце концов, соприкоснется и с Эллиен Терри. Но все это будет еще ой как не скоро, а пока Дункан и семейство бродят по музеям и паркам, посещают театры, словом, сорят деньгами, нимало не заботясь о завтрашнем дне. Так продолжалось бы и дальше, если бы неожиданно у семейства не закончились деньги, а у квартирной хозяйки – терпение. Так в один из дней, вернувшись с очередной многочасовой прогулки по живописным местам, счастливые и довольные, они оказались перед закрытой дверью.

«Все вещи будут находиться под арестом, пока вы не сообразовали выплатить свой долг», – сообщила им квартирная хозяйка.

Стоя у парадного подъезда одной из гостиниц, в которую Айседору и ее семейство отказались пустить, так как умная прислуга заметила их обескураженный вид и отсутствие багажа, а уж чего-чего, а такого «добра», как некредитоспособных иностранцев, они на своем веку нагляделись немало. Так что, стоя у парадного подъезда, семейка, как по команде, вывернула карманы, вытряхнув в общую кучку свой скудный капитал, все, что осталось от привезенных из Америки «сокровищ» – 6 убогих шиллингов...

Удобные скамейки Кенсингтонского парка, мосты, под которыми можно спать, если у тебя есть хотя бы пара коробок и одеяло. улицы, улицы, улицы. две девушки, юноша и их пожилая мать целыми днями бродили по городу, время от времени покупая себе булочки за пенни. На целых четыре дня некогда уважаемая и принимаемая в высшем свете Нью-Йорка семья превратилась в обычных бездомных. Хотя нет, именно не в обычных. Мало кто из бродяг слушает лекции о картине «Венера и Адонис» Корреджио в Национальной галерее, внимает фугам Баха, исполняемым на органе в костеле, посещает Британский музей. Они упорно ищат хоть какого-то приюта, но натыкались на «деньги вперед». Когда стало понятно, что в гостиницу не устроиться, они принялись искать меблированные комнаты, надеясь заговорить зубы хозяйкам, ночью из парков их гнали полицейские.

Лондон в конце XIX века

Когда идей не осталось совсем, а на осунувшемся от голода лице Доры отпечата-лось решение помереть и не отягощать собой вполне здоровых и сильных детей, Айсе-дора не выдержала, и на рассвете четвертого дня, который застал озябшее семейство в городском парке на деревянных скамеечках, укрытых собранными в ближайших урнах газе-тами (кстати, газетами действительно можно закрыться так, что согреешься), разбудив всех, велела немедленно подниматься и идти за ней. Они подошли к самой дорогой гостинице, которая только оказалась по соседству от парка. Швейцар услужливо открыл перед гостями двери, и семейство Доры Дункан оказалось в роскошно убранном холле с зеркалами, мяг-кими креслами, лакированными столами и картинами в золоченых рамах на стенах.

– Мы только что прибыли на поезде, – уверенным тоном сообщила Айседора админи-стратору, – и хотели бы снять у вас самый лучший номер. Наши вещи привезут позже. А пока мы бы не отказались от завтрака.

Ее уверенный тон подействовал лучше, чем любое воззвание к человеколюбию. Их тут же препроводили в самый дорогой и роскошный номер, подав завтрак. Все с удовольствием помылись в ванной, в которой стояли коробочки с кремом и зубным порошком, флаконы с шампунем, одеколоном и массой других непонятных, но дивно пахнущих мазей и кремов.

Немного отдохнув, Айседора позвонила портье, осведомилась строгим голосом, не привезли ли их багаж. Выслушала ответ и очень рассердилась, узнав, что никаких посыль-ных не было и никаких грузов не привозили.

– Безобразие! – кричала юная импровизаторша. – Нам решительно не во что пере-одеться к обеду!

На что ее уверили, что, понимая безвыходность создавшегося положения новых постоя-льцев и возмущаясь вместе с ними работой службы грузоперевозки, им доставят обед в номер, и через минуту юный лакей уже накрывал стол.

Отобедав, таким образом, даже с вином, а после поужинав и позавтракав, семья Дункан тихо свалила мимо портье, воспользовавшись для своего бегства черным ходом. Теперь у них уже были силы для того, чтобы бороться, а не сидеть вместе с другими бездомными на паперти.

Желая убраться как можно дальше, они дошли до Челси, где за старым кладбищем располагалась крохотная церквушка. Решив, что во время утренней службы можно будет посидеть там немного на деревянных скамейках, они уже направились было вслед за при-хожанами, но тут Айседора заметила на дорожке брошенную кем-то вчерашнюю газету. Девушка автоматически развернула ее на разделе светской хроники, где – удача! – распола-галось объявление о приезде в Лондон одной из нью-йорских знакомых дам. Еще в самом начале сезона Айседора с компанией давали целое представление в загородном доме этой миллионерши, и теперь девушка смеяла надеяться, что дама вспомнит соотечественницу. В газете указывался адрес нанятого богатой американкой особняка, в котором, по словам жур-налиста, устраивались роскошные приемы. Судьба улыбалась своей юной избраннице!

Оставив семью дожидаться ее в церкви, Айседора побежала к своей знакомой, наде-ясь на чудо. Представившись лакею и заверив, что ей необходимо встретиться с хозяйкой прямо сейчас, Айседора была допущена в гостиную, где дама как раз завтракала. Понимая уже, насколько унизительна и невыгодна позиция просителя, изобразив беззаботную улыбку, Айседора без умолку болтала о том, как приятно бывает встретить на чужбине соотечествен-ницу. Устроившись на диванчике рядом с хозяйкой и отведав горячий шоколад и сахарное печенье, Айседора рассказала о своем переезде в Лондон, сообщив между делом, что она выступает в местных светских салонах, имея громадный успех.

Услышав о том, что Айседора пришлась здесь как нельзя лучше, дама поинтересовалась, не занята ли она в ближайшую пятницу, и пригласила выступить у нее на светском приеме, выписав чек на 10 долларов аванса.

За время отсутствия Айседоры служба уже закончилась, но Дунканы не теряли времени, рассевшись на скамеечки возле здания костела, где Раймонд произносил перед матерью и Елизаветой вдохновенную речь о взгляде Платона на человеческую душу. Словом, эти люди отличались редкостной неизменностью интересов и жизненных принципов.

Обналичив чек, они отыскивали крохотное ателье у Королевской дороги в Челси. Разумеется, без мебели, так что пришлось спать на полу, но зато под крышей и имея в руках ключ от запертой двери.

Оставшиеся от аванса деньги они употребили, купив ящик консервов и материал на неприязнительный греческий костюм для Айседоры.

На вечере ожидался сам принц Уэльский, а также множество богатых и любящих развлечения снобов, так что Айседора уже не могла говорить ни о чем ином, как о представлении, которое перевернет их жизнь и повлечет за собой ее головокружительную карьеру.

Как всегда, Дора аккомпанировала своей гениальной дочери. Для пятничного выступления Айседора приготовила «Нарцисса» и «Офелию» Етельберта Невина, закончив представление «Весенней песней» Феликса Мендельсона. В промежутках между танцами, желая дать сестре отдых, Елизавета читала стихи Теокрита в переводе Андрия Ланга, а Раймонд предложил вниманию публики короткую лекцию о танцах и их влиянии на психологию будущего человечества. Танцы и стихи произвели большее впечатление, нежели лекция, но все равно гостям представление очень понравилось. Впрочем, все мало отличалось от Америки, никто не желал слушать о философии танца, допытываясь, откуда Айседора взяла свою изумительную пластику? что она хочет этим сказать? но да, сейчас ей было важнее другое – как-то зацепиться в этом обществе, получив новые предложения и деньги на жизнь четырех человек. Так и произошло, выступление за выступлением Айседора не отказывалась ни от каких предложений, часто соглашаясь танцевать на безденежных вечерах. Так голодная и измученная Айседора неоднократно давала спектакли на благотворительных вечерах, весь сбор от которых шел в пользу того или иного общества. Тем не менее она не отказывалась, понимая, что на этих «праздниках жизни» сможет отыскать себе новые предложения, обзавестись полезными знакомствами, следовательно, все эти выступления нужны прежде всего ей самой.

У леди Лоутер она, к примеру, совершенно бесплатно танцевала перед приехавшей скоротать вечерок герцогиней, от которой вполне могли последовать приглашения, но... та так и не решила, нужны ли в ее салоне танцы Айседоры. Иногда за выступление их кормили, иногда наливали чая и выдавали бутерброд или какое-нибудь не сильно популярное блюдо со стола.

Как-то раз после четырех дней вынужденного голодания во время представления ей сделалось дурно. Желая подбодрить танцовщицу, устроительница предложила теряющей сознание девушке взбитые сливки с клубникой. Исстрадавшийся без пищи желудок отреагировал на жирную пищу правильно – тут же избавившись от нее, едва только Айседора попыталась подняться из-за стола. «другая дама подняла целый мешок, наполненный золотом, показала его мне и сказала: “Посмотрите, какую уйму денег вы помогли собрать для нашего убежища для слепых девушек!”»

Тем не менее пусть по чуть-чуть, но деньги поступали, призрак голодной смерти отступил, и Айседора начала переосмысливать события последних месяцев. Выходило, что чем самоувереннее она себя вела, тем ей было проще получить место в гостинице или ангажемент. Да, лондонцы определенно избегали неудачников и нытиков, даже та самая первая дама, у которой Айседора получила 10 долларов и приглашение выступить в ее салоне,

даже она польстилась не на прекрасные танцы соотечественницы, о которых знала не понаслышке, а купилась на вранье нашей героини относительно мнимой популярности танцовщицы. Все желали видеть у себя модных, признанных публикой, часто мелькающих в прессе артистов, только тех, кто уже блистал в самых престижных и влиятельных домах или которые имели, пусть косвенные, знакомства с королевской семьей. Да, один комплимент от какого-нибудь лорда, чашечка чая с посланником...

Айседора была вынуждена поставить свою семью перед непреклоннейшим ультиматумом: мы живем в строжайшей экономии, а все скопленные деньги идут на модную одежду и обувь. Несомненно, если в Америке она могла идти через весь город, для того чтобы выступить в том или ином доме, здесь требовалось подъехать к подъезду. Да, в Лондоне «принимали по одежке». Следовательно, Айседора и ее компания должны были выглядеть как успешные, уважаемые люди. Только на этом условии они могли рассчитывать на ангажемент.

Экономя на еде, но зато прилично одевшись, Дунканы потратили уйму денег на рояль, который взяли напрокат, и только после этого отважились приобрести складные кровати, так как начиналась осень.

В целях экономии Дора и ее семейство по-прежнему днем ели консервы с хлебом, а утром старались завтракать в столовой, где к кофе с молоком полагалась бесплатная булочка. Тем не менее все свободное время они тратили на посещение бесплатных лекций в библиотеках, часто бывали в Британском музее, где Раймонд срисовывал статуи и изображение на вазах – эти рисунки послужили впоследствии канвой для будущих танцев его сестры. Так что Раймонд мог с честью сказать о себе, что тоже работает, как может, делая все, что только от него зависит, для карьеры Айседоры и благоустройства семейства в Лондоне.

Лондонские будни

Таким образом прошел целый год, к августу ателье в Чельси сменилось меблированным ателье в Кенсингтоне, более просторным, с уже стоящим в углу роялем. А в сентябре Елизавета запросилась отпустить ее обратно в Нью-Йорк. Оказалось, что все это время она состояла в переписке с родителями своих учеников, и вот теперь ей выслали сумму, которой хватило бы для переезда одного человека обратно в Америку. Это было печально, но, с другой стороны, преподавая, Елизавета чувствовала себя нужной, здесь же максимум, что она могла делать, – это читать стихи на концертах своей сестры.

Было решено, что когда Айседора наконец делается знаменитой, Елизавета снова прикнет к семейному бизнесу, пока же она обещала отсылать часть заработанных в школе денег в Лондон. В дорогу ей купили теплое пальто и посадили в поезд.

Елизавета уехала очень вовремя, оказалось, что в Лондоне тоже есть свой сезон, который внезапно закончился в конце июля, так что с каждым днем выступления сделались все более и более редкими. На смену беззаботной летней жизни в Лондон пришли его подлинные хозяева – туманы. Семья Дункан заметила дешевую столовую, расположенную недалеко от своего ателье, где в любое время дня подавали жидкие супы, не дающие сытости и, скорее всего, малополезные, но это была самая дешевая еда, и Дунканы наедались ими под завязку. После чего, забыв про библиотеки и музеи, отправлялись к себе домой в тепло и относительный уют. Раймонд смастерил из картона доску для шашек, вот они и играли день-деньской самодельными фигурками, а то и просто валяясь в постелях не в силах встать и добраться до столовой. Когда хандра окончательно завладела семейством, пришло долгожданное письмо от Елизаветы с денежным переводом.

Они переехали в маленький меблированный домик в сквере Кенсингтон, где и встретили долгожданную весну. А вместе с весной в жизнь семьи Дункан вошла, нет, судя по напору и энергии, пожалуй, ворвалась новая знакомая – черноволосая и белокожая, точно статуя из музея, очаровательная Патрик Кампбель¹¹. Дама прекрасно пела и знала множество старинных английских баллад, сведя знакомство с Дунканами, она рекомендовала их известнейшей покровительнице искусств госпоже Джордж Виндгэм.

И еще одна новость из приятных, неожиданно для себя Айседора познакомилась с творчеством немецкого естествоиспытателя и философа Эрнста Гекеля¹², разумеется, она читала в английском переводе. На страницах книг Гекеля рассказывалось о различных явлениях Вселенной, причем так просто, ясно и доказательно, что Айседора тотчас сделалась его ярой поклонницей. Гекель был продолжателем теорий Чарльза Дарвина, которые поддерживала Дункан, кроме того, он первый ввел термин «экология». Очарованная Айседора тотчас написала автору в Германию, «благодаря его за удовольствие, полученное при чтении его книги».

В то время Айседора переживала очередную душевную травму, так как внезапно стало известно о смерти Ивана Мироского. Сначала пришло письмо из Чикаго от общих друзей с сообщением о том, что во время испанской войны Иван сделался волонтером. Во втором послании с прискорбием сообщалось, что Мироский умер в армейском госпитале во Флориде, причина смерти – брюшной тиф. Не веря написанному, Айседора направилась в Институт Купера, где, роаясь в старых газетах, действительно обнаружила его фамилию в списке погибших.

Несмотря на то что Мироский обманул ее, утаив, что женат, Айседора продолжала любить его на расстоянии. Да, конечно же, она дала слово матери, что они больше не встре-

тятся, но не встречаться и знать, что он жив и здоров, – одно дело, а понимать, что встреча не состоится, потому что он умер, – совсем другое.

В письме был лондонский адрес жены, нет, теперь уже вдовы Ивана Мироского, и Айседора решила нанести ей визит. Ехать надо было в местечко Гаммерсмит, так что Дункан пришлось брать извозчика.

Вдова жила и работала при школе для девочек, над воротами которой красовалась надпись «Звездный домик». Очень маленькая, худенькая и бледная, с полностью седыми волосами и огромными голубыми кукольными глазами, Мироская встретила Айседору в убогой гостиной, в которой, казалось бы, лет тридцать уже не делали ремонта. Оказалось, что вначале они планировали поехать в Новый Свет вместе, любящие муж и жена, держащиеся за руку, как в день, когда они выходили из церкви.

Не удалось собрать денег на два билета, в результате Иван поехал один, поклявшись сразу же, как устроится, прислать денег на билет. Он так ничего и не прислал, только письма с заверениями любви и верности. В ожидании почтальона, занятая уроками в школе, супруга ждала, что, быть может, муж сумеет вернуться к ней, но вместо него пришла старость. Ее комната была заполнена портретами молодого Ивана, долгие годы она говорила здесь с его фотографиями, пытаясь представить, каким он стал. И вот его не стало, и ждать больше, увы, нечего.

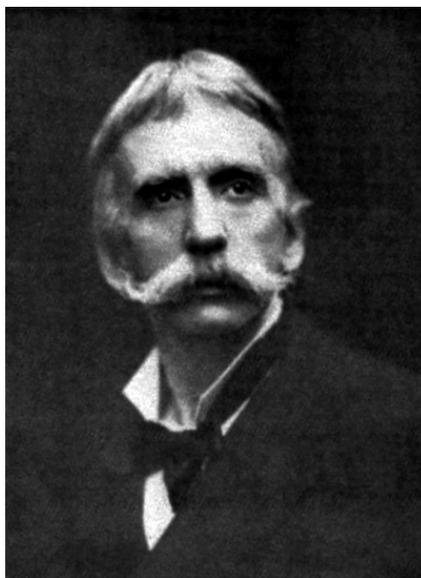
Вернувшись от Мироской, Айседора долго плакала на крыльце своего дома, думая, что домашние ее не слышат. Но все проходит, слезы закончились. В конце концов, с Иваном они расстались давным-давно, так что если бы не письмо, возможно, она так и не узнала бы о его кончине. Иван был в прошлом, здесь же, в салоне госпожи Виндгэм, Айседора познакомилась с красивым пятидесятилетним мужчиной Чарльзом Галлэ¹³. После выступления он подошел к ней и предложил прогуляться. Чарльз оказался очаровательным собеседником, кроме того, он знал многих представителей школы прерафаэлитов лично, с некоторыми из которых его связывала старинная дружба. Вообще, в доме госпожи Виндгэм собирались актеры и музыканты, художники и писатели, так что Айседора наконец-то получила то, о чем мечтала еще в Америке, – духовное общение.

Чарльз снимал ателье, в которое пригласил Айседору выпить чая. Девушка рассматривала рисунки, которые ее новый знакомый сделал во время ее выступления в салоне, рисунки Айседоре очень нравились. Потом он подвел ее к застекленному шкафу, где висела туника самой Мэри Андресон¹⁴, в которой она играла свою Виржилию в «Кориолане». Должно быть, после выступления он сам и снял с нее эту тунику, дабы хранить все эти годы. Во всяком случае, с Мэри Андресон Чарльз был коротко знаком и в прежние годы часто рисовал ее обнаженной.

Узнав в нескольких работах Мэри, Айседора тоже вдохновилась позировать, Чарльз извлек из-под стекла драгоценную тунику, протянув ее девушке как величайшую драгоценность.

Они подружились, и вскоре Чарльз Галлэ пригласил Айседору танцевать в «Новой Галерее», директором которой он являлся. Чарльз действительно понимал чаяния своей новой знакомой и, что немаловажно, мог ей помочь. Так, приглашая девушку показать свое искусство в Галерее, он не только предоставлял ей место и собирал публику, а загодя познакомил ее со своими друзьями: сэром Вильямом Ричмондом, Эндрью Лэнгом¹⁵ и композитором сэром Губертом Парри¹⁶, которые собирались принять участие в представлении. Все время Айседора жаловалась на то, что ее не понимают, а только смотрят на то, как она прыгает и кружится, повторяя: «прелестно», «шарман»... в то время как она сама мечтала, чтобы на нее, наконец, обратили внимание профессионалы, чтобы о ней заговорили журналисты и искусствоведы. Друзья Галлэ согласились прочесть лекцию, состоящую из нескольких раз-

делов: сэр Вильям Ричмонд – об отношении танца к живописи – тема понравится пришедшим в галерею художникам, Эндью Лэнг выбрал себе «Танец и греческая мифология», и сэр Губерт Парри подготовился к разговору об отношении танца к музыке. Сам же Чарльз взял на себя самое главное – он приглашал и «обрабатывал» прессу, благодаря чему об Айседоре наконец начали писать в газетах! На следующий день в газетах появилось множество восторженных статей и фотографий юной Дункан.

Чарльз Эдвард Галле (1846–1914) – английский живописец, прерафаэлит, владелец художественной галереи на Риджент-Стрит

На премьеру были приглашены все более-менее известные лондонцы, которые, наблюдая повышенное внимание к персоне юной босоножки, старались теперь завести с нею знакомства, приглашая к себе на чашку чая или даже обед.

Айседора, ее мама и брат приоделись по последней моде, начинался новый, достаточно приятный этап жизни семьи Дункан. Теперь все говорили о юной босоножке, красотой и грацией которой можно любоваться с не меньшим восторгом, чем величественными статуями или полотнами самых известных художников. Вдруг стало считаться хорошим тоном приглашать мисс Дункан на многолюдные приемы и как оригинальную танцовщицу, и как просто достаточно интересную гостью.

Так, в один прекрасный день юная Дункан была представлена его высочеству принцу Уэльскому, который после станет королем Эдуардом¹⁷. Памятное знакомство произошло в особняке госпожи Рональд, и об этом писала вся пресса.

После чего семейство Дункан наняло большое ателье у сквера Варвик; куда было уже не стыдно приглашать и журналистов, и господ из высшего общества, желающих познакомиться с модной танцовщицей, удостоенной высочайшей похвалы.

Париж и выставка

К сожалению Айседоры, знакомство с красавцем Чарльзом Галлэ, вопреки ее собственным мечтам и желаниям, так и не переросло в нечто большее, нежели просто дружба. И все время общения с юной и страстно желающей любви и нежности Айседорой Чарльз оставался прежде всего джентльменом, считавшим, что Дульси ему в дочери годится, и не собираясь пользоваться ни ее наивностью, ни понятным желанием отблагодарить за помощь.

Приблизительно в то же время Айседора познакомилась с юным поэтом Дугласом Эйнсли, недавним выпускником Оксфорда и, по его словам, потомком Стюартов. Впрочем, он был красив и, согласно моде, томен, обладал чарующим голосом и способностью часами читать вслух любимых поэтов, устроившись подле прелестных ножек своей богини. Ножки были тщательно задрапированы длинной юбкой, да и вообще никаких вольностей при встречах не наблюдалось, так как мама присутствовала во время всех визитов красавчика Дугласа и забила бы тревогу, решишь юный вертопрах на что-то большее, нежели на дозволенную ему декламацию Свинбурна, Китса, Браунинга, Россетти и Оскара Уайльда. Впрочем, время от времени, устав от монотонного чтения, мать засыпала, и тогда он нежно целовал Айседору в ушко.

Вот два тогдашних лондонских друга юной Айседоры – обоим она нежно любила, и оба любили ее, страстно ненавидя при этом друг дружку. Поэт не понимал, что его богиня находит в «выжившем из ума старике» (в ту пору Галлэ уже было 54, и для юноши он казался чем-то весьма древним и неуместным рядом с двадцатитрехлетней Дункан), а художник смеялся над глупостью возомнивших себя невесть кем «молокососов».

Все время Айседора танцевала или проводила светские вечера в обществе неотразимого Чарльза Галлэ, благодаря которому ее принимали самые известные актеры и актрисы того времени, а вечерами в сгущающихся сумерках слушала стихи в исполнении Дугласа Эйнсли, мечтая о любви.

Во время выступлений Айседоры Дора, как и прежде, аккомпанировала ей, и один только Раймонд не находил себе достойного применения. Редакции газет и журналов упорно отказывались признавать его звездой современной журналистики, лекции о танцах теперь читали профессионалы, а он оставался не у дел. Возжелав перемен, молодой человек переехал в Париж, надеясь, что сумеет найти себя в признанной столице искусств.

Впрочем, просто трудиться в гордом одиночестве он, похоже, не мог и вскоре начал заваливать мать и сестру с просьбами приехать к нему. В результате Дора извелась от мысли, как там ее драгоценное дитя, ведь «ах, в Париже говорят по-французски, а мальчик знает только английский, как же теперь он будет продавать там свои гениальные статьи?!» Айседора же всегда была склонна к перемене мест, а сама мысль увидеть Лувр, Триумфальную арку, побродить по парку Версаля, подняться на холм Монмартр, к церкви Сакре Кер, посетить собор Парижской Богоматери... Латинский квартал... где, по традиции, селятся художники и люди искусства, а ведь и Раймонд нашел себе жилье именно в Латинском квартале. да, все это манило ее дивным радужным сном.

Переезд запланировали на весну, всегда легче начинать что-то вместе с пробуждающейся природой, когда само солнце словно шепчет тебе: «живи, твори, цветы.» Поезд привез мать и дочь Дункан в Шербург, где Айседору сразу же посетило неземное откровение, до нее дошло, что придется заново покупать весь гардероб. Во Франции стояла прекрасная погода, светило солнце и цвели розовые и белые каштаны. С большой бабочкой под отложным воротником и с длинными свисающими на уши волосами, преобразившийся по французской моде Раймонд встречал свое семейство.

Наняв извозчика, они отправились в Латинский квартал, где молодой человек снимал квартиру. Узкая лестница со множеством поворотов, брат забрался почти под самую крышу, еще выше располагались мансарды, которые традиционно занимали художники под ателье. Но все мансарды в этом доме были уже заняты, так что, покормив гостей и угостив их вином за тридцать сантимов, Раймонд уговорил маму и сестру, не мешкая, отправляться вместе с ним на поиск жилья. Они бросили вещи и мужественно отправились на поиск ателье. Первая неприятность – живя полгода в Париже и научившись следовать моде, принятой в Латинском квартале, а именно носить длинные волосы и мягкие куртки с шарфами или галстуками бабочкой, пить местное вино и лакомиться круассанами, Раймонд не удосужился хоть сколько-нибудь выучить язык... поэтому, бродя по улицам и повторяя «Chercher atelier», Айседора и Дора понятия не имели, что таким образом во Франции называют не только ателье художника, но и любую другую мастерскую, а следовательно, большинство помещений, которые им показывали, им просто не могли подойти.

Наконец, их мытарства закончились, Дунканы остановили свой выбор на меблированном ателье за каких-то 50 франков в месяц. Бедная, бедная Айседора, странствия по ателье и съемным квартирам должны были навести ее на тревожную мысль о неслыханной и от того подозрительной дешевизне ее нового дома. Не случайно же люди просят за огромный длинный зал с мебелью цену в трое меньше разумного? Но Раймонд не знал языка, а хозяйева не говорили по-английски. В общем, заплатив за месяц вперед, Дора, Айседора и Раймонд перевезли вещи из Латинского квартала в новый дом, чтобы уже ночью понять, в какую ловушку они угодили. Едва семейка устроилась на ночь, пожелав друг другу сладких снов, пол в ателье задрожал и пошел ходуном, раз, другой третий. все трещало, завывало, гремело, брэнчало и лязгало. Первая мысль – бежать, пока потолок не рухнул на головы, превратив новаторов искусства в три бесформенные котлеты.

Оказалось, что они умудрились снять ателье над ночной типографией! Но деньги были заплачены за месяц вперед, отдавать их обратно не собирались, и хоть у семьи еще оставались какие-то средства, они решили перетерпеть этот месяц. Что значат бессонные ночи в сравнении с прекраснейшим из городов на этой земле?! Целый день они бродили по Парижу, то осматривая Лувр, то проводя время в Люксембургском саду или в Соборе Парижской Богоматери, часто бывали в музеи Клюни, Карнавале, почти везде пользуясь исключительно собственными ногами и так уставая к концу дня, что засыпали задолго до начала работы первого станка в типографии.

Лето 1900 года стало первым летом семьи Дункан в Париже, открылась Всемирная выставка, на которую, к радости Айседоры и неудовольствию Раймонда, вдруг приехал Чарльз Галлэ. С этого момента они были неразлучны – Айседора и ее друг дни напролет гуляли по выставочным павильонам или Лувру. Больше, больше, больше... они обедали в каком-нибудь шикарном ресторане, часто забираясь на Эйфелеву башню, чтобы потом идти под ручку по набережной Брантли до моста Александра III, перебраться через него на другую сторону Сены и далее по Елисейским полям до площади Конкорд и через сад Тюильри к прекраснейшему из дворцов – Лувру. Они бродили по залам Лувра, пока несчастная танцовщица не чувствовала, что устала настолько, что вот-вот упадет. Тогда добрый рыцарь привозил из администраторской музея кресло на колесиках, куда усаживал свою обессиленную спутницу, дабы ничто не мешало ей продолжать наслаждаться великолепными залами бывшего дворца королей Франции.

Благодаря Чарльзу Айседора вскоре посетила спектакль Отодзиро Каваками¹⁸ «Принц Тошимару Гамура» («Гамлет») с Сада-Якко в роли красавицы Орие (Офелия). Действие пьесы было перенесено в современную Японию. Принц Тошимару Гамура (актер Асахиво Фуджисава) в первом действии был одет, как и подобает юноше из рода дайме, в конце спектакля он появился уже в пиджачной паре, выезжая на сцену на велосипеде.

Престарелый дайме Гамура (актер Отодзиро Каваками) таинственным образом исчезает из замка в Осаке, после чего его считают умершим, а его брат присваивает себе жену покойного, его титул и, что кажется больше всего печалит наследника, фамильное оружие!!! В это время Гамура-младший пребывает в полном неведении в Токио, где он проходит курс обучения в университете, вместе со своим другом Шози-Гара (Гарацем). Однажды ночью, прогуливаясь по токийскому кладбищу, принц Гамура встречает там призрак покойного отца – его лицо, бледное как у покойника, невидящие глаза глядят в одну точку, волосы на голове всклокочены, однако современный генеральский мундир в полном порядке, в свете луны поблескивают начищенные пуговицы и золотое шитье на обшлагах и воротнике, посверкивают орден Хризантемы и золотые эполеты. Прекрасно зная пьесу и побывав не на одной ее постановке в разных странах, Чарльз шепнул Айседоре, что на призраке должна быть серебряная кольчуга, но если многих любителей Шекспира этот момент особенно задел, Айседора и Чарльз решили, что так получилось даже оригинальнее, и принялись смотреть дальше.

Согласно пьесе, Гамлет отправлялся в Англию, живущий в Японии Гамура-младший движется по Маньчжурии и Сибири, на обратном пути его пароход попадает в шторм.

Одетый в современные одежды, Гамура делался ближе и понятнее зрителю и одновременно отталкивал его, словно говоря: посмотри на мое лицо, неужели ты не видишь, что это сказка – странная и жестокая чисто восточная история. Верь ей!

В полутемном строгом зале
Пели скрипки, вы плясали.
Группы бабочек и лилий
На шелку зеленоватом,
Как живые, говорили
С электрическим закатом,
И ложилась тень акаций
На полотна декораций,

– так напишет в 1908 году Николай Гумелев об актрисе Сада-Якко, когда увидит ее на сцене в России.

Очарованная, околдованная Айседора заставила своего друга дожидаться появления Сада-Якко после выступления, но в результате так и не посмела к ней приблизиться. Маленькая изящная японка поражала своей тихой грациозностью и силой. Несколько раз Айседора делала робкие попытки подойти и всякий раз останавливалась не в состоянии не то что заговорить, а даже сделать лишний шаг в сторону примы. Посмеявшись над нерешительностью своей юной спутницы, Чарльз рассказал, что прежде чем сделаться женой Каваками Отодзиро, в Японии Сада-Якко была самой настоящей гейшей. Прогрессивная пресса сравнивает ее с Сарой Бернар¹⁹ за трагический темперамент и особый реализм в сценах смерти. Собственно, именно благодаря выдающемуся таланту Сада-Якко театр и получил известность, так что в настоящее время это, пожалуй, одна единственная японская труппа, с успехом гастролирующая в США и многих странах Европы. Во всяком случае, Чарльз уже видел в их исполнении «Графа Монте-Кристо» и что-то из пьес Метерлинка²⁰, а теперь вот – Гамлет...

И когда вы говорили,
Мы далекое любили,
Вы бросали в нас цветами
Незнакомое искусства,
Непонятными словами
Опьяняя наши чувства,

И мы верили, что солнце —
Только вымысел японца²¹.

Айседора захотела увидеть все эти необыкновенные постановки, но, к сожалению, висящая тут же афиша сообщала о том, что это последний спектакль труппы, так что на следующий день Чальз повел ее смотреть на танцы госпожи Фуллер²², той самой, что вдохновляла на шедевры художников Тулуза-Лотрека и Коломана Мозера, скульпторов Рауля Ларша, Пьера Роша и Огюста Родена. На главном входе Всемирной выставки красовалась позолоченная статуя Лои Фуллер.

Осенью выставка закрылась, и Чарльз Галлэ уехал. Перед отъездом он познакомил Айседору со своим двадцатипятилетним племянником Шарлем Нуфларом, попросив того присмотреть за молодой и неопытной американкой.

В поисках любви

Сменив ателье на улице Тэте на ателье на Авеню Вилье, Раймонд нарисовал на стенах греческие колонны и модернизировал газовые рожки, надев на них металлические трубки, получился эффект мерцания, похожий на факельный. И придумал, как сделать сандалии, которые были многим удобнее, нежели европейская обувь. Почувствовав вкус работать руками, он сверлил, колотил и пилил ночи напролет, мешая спать Доре и Айседоре и отсыпаясь днем, когда сестра уходила гулять вместе с Шарлем Нуфлар или его приятелями: Жаком Боньи и литератором Андрэ Бонье²³, с которыми он познакомил Айседору.

В то время юная мисс Дункан чувствовала себя так, словно снова вернулась в детство, когда мама часами читала стихи или музицировала. Но если такая жизнь устраивала Раймонда, Айседоре хотелось чего-то большего, она запоем читала любовные романы, мечтая, что в один из дней... но кто? Выбор пал на некрасивого, но талантливого Андрэ Бонье, сумевшего заворожить Айседору знанием французской литературы.

К тому времени она уже вполне сносно говорила на французском, читала и нуждалась в постоянной практике.

Жирненький и бледный, маленького роста, с крошечными глазками в больших очках, теоретически Андрэ не мог иметь успех у женщин, тем более на фоне своих друзей – очень красивого и милого в общении Жака и высокого статного Шарля, тем не менее Айседора влюбилась в него и приняла решение отдаться при первом удобном случае. О том, влюблен ли молодой человек, она не задумывалась. Им ведь было так хорошо вместе гулять по Люксембургскому саду, читая любимых авторов. Однажды молодой человек прибежал к ней в слезах, оказалось, умер Оскар Уальд²⁴. Айседора читала этого автора, теперь же, захлебываясь рыданиями, Андрэ пересказывал ей тяжелую жизнь писателя. В том месте истории, где Уальда посадили в тюрьму, Айседора оборвала повествования, интересуясь причиной заточения.

Андрэ густо покраснел, затем протер изрядно запотевшие круглые очки и, сославшись на срочные дела, поспешно удалился.

Соблазнить Андрэ Айседора планировала в своем ателье, улучив момент, когда мама уехала по каким-то делам, а брат пропал у знакомой модистки из Латинского квартала. Купив шампанского и цветов, Айседора постелила чистое белье, украсила прическу розами, поставила на стол обожаемые Андрэ слоеные пирожки и фрукты. Для соблазнения все было готово, но... к сожалению, страстный поклонник творчества и образа жизни Оскара Уальда, Андрэ Бонье оказался нечувствителен к очарованию босоногой Афродиты. Позорно бежав из благоухающего розами будуара прекрасной дамы, толстый Андрэ жутко разозлил свою юную подругу, которая в отместку ему теперь решила флиртовать на глазах у недостойного ее любви писателя с его приятелем Шарлем Нуфларом. Этот был настроен более живо, Шарля можно было вытащить на танцы, где они обнимались и целовались на глазах у взбешенного таким поведением своей музы Андрэ. А что? сам виноват. Айседора не находила себе места от злости, недоумевая, в чем же она была не права, предлагая себя любимому человеку. Они уже год как встречались, поверяя друг другу сердечные тайны. При этом Андрэ заходил к ней каждый день и был почти на всех ее выступлениях, вхож в дом и знаком с родственниками, чего же ему еще?

Почему-то в голову упорно лезла одна странная сцена, которой вначале Айседора не предала особого значения, произошло это в Медонском лесу, возле пересечения четырех дорог:

«Дорогу направо он назвал Богатством, дорогу налево – Миром... а дорогу прямо перед нами Бессмертием. “Где же находимся мы сами?” – спросила я. “В царстве Любви”, – тихо ответил он. “Тогда я здесь останусь!” – вскричала я в восторге. Но он только ответил: “Здесь оставаться мы не можем”, – встал и быстро пошел по дороге Бессмертия»²⁵.

«Любовь можно назвать взглядом души в момент, когда она способна смотреть на бессмертную красоту».
(Айседора Дункан)

Милая шутка, и ничего больше, но, вспоминая теперь приключение в Медонском лесу, Айседора едва сдерживала слезы, вспоминая, с какой легкостью безжалостный Андрэ отказался от любви в пользу бессмертия. Правда, в тот день, не зная, что делать и как понять странные слова своего приятеля, Айседора бросилась за ним, по той же дороге, уводящей ее от любви, но, бессмертие подождет, а вот любовь!..

Шарль прекрасно танцевал и вообще был опытен с девушками. Айседора сразу очаровалась его сильными объятиями и нежными поцелуями, пьянившими ее и словно звавшими в неведомое.

После несколько довольно раскованных встреч и обедов в отдельных кабинетах ресторанчиков Шарль отвез Айседору в гостиницу, назвавшись вымышленной фамилией и представив девушку своей супругой. Они оказались в красивом номере с большой кроватью, застланной розовым шелковым покрывалом, с огромным, украшенным золотыми цветами балдахинном кремового цвета. Цветы в вазе, шампанское на столе. Все было продумано до мельчайших деталей. Айседора оказалась в объятиях Шарля, какое-то время он возился с крючками и завязками на ее туалете, после чего она увидела себя в большом зеркале обнаженной и лежащей на розовом шелке, точно богиня любви Афродита. «Наконец-то я узнаю, что такое любовь!» – ликовала Айседора, уже не робко, а требовательно обнимая прекрасного Шарля, когда в самый ответственный момент тот неожиданно вскочил, с ужасом глядя на обнаженную богиню. «О, но почему же вы мне не сказали? Ведь я был близок к преступлению. Нет, нет, вы должны оставаться невинной. Одевайтесь, одевайтесь скорей!»

Он действительно заставил мало соображающую после поцелуев Айседору одеться и отвез ее домой на извозчике. Забившись в уголок темного экипажа, девушка едва сдерживала слезы, ее голова все еще кружилась, да, он желал ее, и она хотела того же. почему тогда? Какая несправедливость? В одну секунду в собственном воображении из Афродиты

она превратилась в отвратительную гарпию, в медузу Горгону, в. да разве есть имя для чудовища, способного одним своим видом прогнать любовь и страсть... «Наверное, я никогда не познаю счастья быть любимой, не изведаю физической близости и буду, как заведенная, только работать да говорить об искусстве. Мужчины не смотрят на меня или смотрят, но не как на женщину. Я проклята, безобразна, я... способна только танцевать, и у меня никогда не будет ни любимого человека, ни детей!» – так или вроде того упрекала себя пленительная Айседора, хотя ей решительно не за что было себя винить.

После неудачи в гостинице Шарль не появлялся в ателье у своей несостоявшейся любовницы и после довольно скоро уехал в колонии, прочитав Айседоре на прощание лекцию о жрицах-девственницах, одной из которых, по всей видимости, и является юная Дункан.

– Утратив чистоту, ты, скорее всего, не сможешь танцевать, а ведь своим танцем ты славишь бога, или богов. – он замылся. – Индусы считают, что душа человека проживает множество жизней в самых разных оболочках. Ты как-то рассказывала, что под воздействием пицци Афродиты начала танцевать еще в утробе матери. Это необыкновенно! И если бы сейчас мы были не в Париже, а в древних Афинах, тебя бы разыскали жрецы, узнавшие в тебе воплощение богини танца Терпсихоры. Я верю в это, поэтому и не могу притронуться к тебе, не получив за это заслуженного проклятия.

Айседора попыталась прервать своего друга ласками и уверениями в том, что она не чувствует в себе весталку и во все свои танцы вкладывает любовь и веру, но Шарль был неумолим.

– Вспомни Жанну д'Арк, чья чистота и непорочность являлись когда-то залогом победы французского народа над англичанами?!

Глупый, глупый Шарль, Айседора была еще не настолько опытна в любви, чтобы объяснить тебе, что чистота или распущенность – в головах людей, что можно быть девственницей телом, но шлюхой в душе. Что любовью оскорбить или унижить нельзя, если это любовь. но, скорее всего, их страсть действительно была далека от настоящей любви. В результате Айседора стала больше думать о танце как о молитве. И о своем состоянии во время пластической импровизации как о религиозном экстазе. А ведь и правда, про ее первые танцы импресарио сан-франциских театров однозначно говорили: «Это не для сцены, это для церкви». Только церковь должна быть какая-то другая, не католическая. это понятно. Алтарь Терпсихоры, Афродиты, других греческих богов. Она – маленькая жрица, получившая посвящение задолго до собственного рождения. Быть может, ее появление было предсказано, но предсказание затерялось. Ее танцы нужны не для увеселения, это религиозные танцы, направленные на общение танцовщицы с богом, получение посредством движения тайных знаний.

Видение театра и сероглазый король

Айседора слушала музыку, представляя себя парусом, наполняемым не ветром, а мелодией. В течение нескольких репетиций Айседора практически не танцевала, а стояла посреди комнаты, слушая музыку и пытаясь ощутить, как та отзывается в теле. Надо двигаться, словно лист, подгоняемый ветром, точно перекасти поле, как легкая тополиная пушинка. Надо искать принципиально новый подход к танцу, да только где его найти? Посещая в юности занятия классическим балетом и затем много читая на эту тему и часто бывая в театрах, Айседора уяснила, что классический балет базируется на так называемом кресте – совершенно прямая ось позвоночника – вертикаль – и воображаемая горизонталь. Отчего балетные движения казались неестественными, позы – кукольными. Айседора решила, что будет идти от ощущений, часами настраивая себя на новое восприятие танца, она поднимала руки вверх и застывала в этой позе, пока все ее тело не начинала сотрясать дрожь.

Иногда ей казалось, будто бы по рукам к ней спускается невидимый дух. Она либо чувствовала это, либо видела свет, постепенно заполняющий все ее тело. Нужно двигаться не от центра, а от света. Рука или нога начинает движение не потому, что в этом месте музыки так предписано балетмейстером, а единственно от того, что не могут не двигаться, ощущая переполняющую тело и душу растущую мощь. Отсюда танец невозможен без вхождения в транс. В транс же можно войти разными путями. В то время многие увлекались мистикой, спиритизмом, восточной философией. Айседора не являла собой исключение из общего правила, она была до истеричности религиозна и мистична, тем не менее путь Дункан не ограничивался поиском гуру и принятием посвящения, Айседора вела самую настоящую научную работу, постоянно находясь в поиске, готовая к риску и эксперименту. Поняв, что в ближайшее время ей не светит испытать на себе физическую любовь, да и претенденты на ее невинность куда-то подевались, с Андрэ она могла разве что беседовать, а Шарль уехал, Айседора засела в библиотеку при Опере, в которую отвел ее как-то брат, вылезая оттуда исключительно ради репетиций.

«Я хочу прочесть все труды о танце, когда-либо написанные, а также книги о греческой музыке и театральном искусстве, – начала она с порога. – Я поставила себе целью прочесть все эти книги на английском или на французском, все, что посвящено искусству танца, с древних египтян и до наших дней».

Она брала книги домой или, если их не выдавали на руки, работала в библиотеке, записывая самое интересное в красивую толстую тетрадь. Приблизительно в то же время Айседора заинтересовалась работами Жан-Жака Руссо, Уотта Уитмана и Ницше, последнего она обнаружила, когда вдруг, совершенно случайно задумавшись о своем будущем, взяла с полки первую попавшуюся книгу и открыв ее наугад, прочитала: «Заратустра – танцор, Заратустра – воздушный, манящий крыльями, готовый к полету, призывающий птиц, всегда готовый, блаженный легкий дух...» – это было предзнаменование!

Все добытые по библиотекам, вычитанные бессонными ночами знания она стремилась обсудить в салоне графини Греффюль, где ее принимали по-дружески. Однажды госпожа Греффюль рекомендовала к Айседоре свою подругу княгиню де Полиньяк²⁶, которая видела танцы босоногой танцовщицы и решила, что, возможно, именно эта юная и такая непохожая на остальных девушка сможет понять сложные музыкальные концепции ее талантливого мужа. После чего, попросила свою подругу графиню Греффюль дать ей адрес Айседоры, дабы они могли пообщаться без свидетелей. Несмотря на княжеский титул и высокое положение в обществе, Винаретта де Полиньяк забывала обо всем на свете, оставаясь один на один со старинными клавирами, органом или работая над новой картиной. Замечательная музыкантша и художница, по всей видимости, она была чуть ли не единственным знатоком

и почитателем музыки своего мужа – неизвестного широкой публике композитора Эдмона де Полиньяк²⁷.

Поэтому она наотрез отказалась, чтобы сама графиня представила ей Айседору в салоне, решив, что не переживет, если при более тесном общении девушка окажется недалекой или заносчивой, и не дай бог, об ее афронте узнают окружающие. Княгиня де Полиньяк была болезненно самолюбива. И в то же время пианистка де Полиньяк мечтала возвращаться в обществе людей искусства, беседуя о музыке.

В бедном ателье, занимаемом семьей Дункан, княгиня нашла понимание и готовность слушать и воспринимать новое.

Кроме того, сама Айседора оказалась замечательной рассказчицей, много читала, общалась с самыми интересными людьми своего времени, соответственно, немало и знала. Приняв высокую гостью за потенциальную клиентку, Айседора щедро потчевала ее разговорами об искусстве и танце, о своих надеждах и чаяньях, ожидая, что вот-вот гостья растает и наконец назначит дату выступления, оставит адрес и, возможно, небольшой задаток, долларов десять... или чуть больше. Уже традиционно они едва тянули и оплату ателье, и свои, более чем скромные потребности, но неожиданно де Полиньяк предложила не подработку, а сотрудничество. Айседору приглашали в гости, познакомиться с композитором де Полиньяк – мужем мадам, и, возможно, сразу же провести первую репетицию. В знак серьезности своих намерений визитерша оставила на столе пухлый конверт с невероятной суммой в две тысячи франков!

В особняке князей де Полиньяк располагался собственный концертный зал, маленький, но соответствующий моде и современным требованиям. В этом доме любили и ценили старинные музыкальные инструменты. Вместо того чтобы назвать свое имя и рассказать о проекте, Эдмон сел за клавиш, исполнив недавно сочиненную им мелодию, его супруга, устроившись в зале, внимала музыке, исподволь наблюдая за реакцией девушки.

Потом Айседоре было предложено переодеться за ширмой, и началась первая репетиция. Теперь князь занял место за роялем, уступив супруге клавиш. Оба инструмента были развернуты таким образом, чтобы музыканты могли видеть происходящее на сцене. Надев свою короткую белую тунику, Айседора тихо и как-то даже робко танцевала, избегая зауценных па, а словно бы ощупывая льющияся на нее аккорды, постепенно наполняясь ими. И вот уже она крутится, взлетает или вдруг застывает в выразительной позе, чтобы через пару аккордов снова взвиться в воздух.

– Какое очаровательное дитя! Айседора, как ты мила, – восторженно воскликнул де Полиньяк, когда, сделав последнее движение, девушка вдруг остановилась, смущенно улыбаясь.

– Я тоже вас обожаю. Я всегда хотела бы вам танцевать и создавать религиозные танцы, вдохновленные вашей чудной музыкой, – прошептала Айседора, пряча в ладонях пылающее от смущения лицо.

Читателю могут показаться удивительными внезапная дружба и откровенность, вдруг вспыхнувшая между мужчиной за шестьдесят и молоденькой неопытной девушкой, тем более что означенная сцена произошла в присутствии супруги князя, но на самом деле это был довольно-таки странный брак, состоявшийся в 1893 году между двадцатидевятилетней американкой Винареттой Зингер, дочерью и наследницей известного американского промышленника, изобретателя швейной машинки Исаака Зингера²⁸, и пятидесятидвухлетним принцем, или, если угодно, князем, Эдмоном де Полиньяк. Близкие друзья, посвященные в семейные дела этой супружеской пары, знали, что женитьба Эдмона де Полиньяк на девице Зингер есть целомудренный брак, основанный на любви к музыке. Что устраивало обоих, так как Эдмон предпочитал женщинам сильных мужчин, и, в свою очередь, Винаретта заводила романы исключительно с представительницами своего пола. Исходя из

вышеизложенного, понятно, что у супруги не было причин ревновать своего мужа к девушке моложе ее на целых тринадцать лет.

Кроме любви к музыке, создавшей крепкий творческий союз, Винаретта принесла в дом князя де Полиньяк роскошное приданое и сразу же устроила свой салон, оказывая покровительство французским композиторам, так что однажды Морис Равель посвятил ей свою знаменитую «Павану».

После репетиции Айседору повели в гостиную, где был накрыт стол, и в непринужденной обстановке можно было обсудить условия совместной работы. Было решено, что для начала Айседора поставит несколько танцев на музыку де Полиньяка, так чтобы получилась программа, состоящая из музыки и пластических импровизаций. Премьеру Винаретта обещала организовать прямо в их доме, после чего они должны были отправиться в небольшое турне, сначала по салонам их знакомых в Париже и предместьях, а затем и... в идеале через два, три года князь обещал нанять помещение, в котором можно было бы сделать театр мадемуазель Дункан. Айседора была в восторге, и они тут же договорились о графике репетиций.

Премьера состоялась через пару месяцев, как и планировалось в особняке де Полиньяк. И если в самом начале Айседора и опасалась, что видеть здесь ее танцы смогут исключительно близкие друзья де Полиньяк, в тот день концертный зал и особняк были предоставлены широкому кругу публики, среди которых Айседора узнала немало знакомых из салона графини Греффюль. Отпраздновав первую победу, трио решилось на второе выступление, которое вскоре состоялось в ателье, занимаемом семьей Дункан. Стараниями брата, специально к их вечеру, в ателье неведомо откуда было притащено тридцать разномастных стульев и табуретов, вид которых позабавил княжескую чету. Тем не менее они с честью выдержали все выступление, так что когда Айседора выскочила в третий раз на поклон, де Полиньяк сорвал с головы бархатную шапочку, которую носил, по примеру художников Латинского квартала, и, подбросив ее в воздух, закричал: «Да здравствует Айседора!»

К сожалению, мечты о театре на тот момент времени остались мечтами, так как де Полиньяк вскоре скончался.

Вот как бывает в жизни – прыжок, полет, и вот ты уже не поднимаешься к звездам, а падаешь в пропасть. Планируя стать примой собственного театра, Айседора вдруг оказалась на пышных похоронах, на которых почти никого не знала. В полной прострации она несла цветы, которые так крепко прижимала к груди, словно боялась выпустить их из рук. Но какой смысл жалеть цветы, когда... она почти ничего не понимала, думая о чем-то другом или не думая вовсе. Не обращая внимания на других людей, она горько плакала, точнее, слезы сами текли из ее прекрасных глаз, и она ничего не могла с собой поделать. Надо было выйти из церкви и постоять немного на свежем воздухе, но она так и не смогла протиснуться в толпе друзей и родственников покойного.

«Надо подойти и пожать руки», – шепчет кто-то на ухо Айседоре. Ее подтолкнули к выстроившимся в ряд облаченным в глубокий траур родственникам, девушка качнулась и на отяжелевших ногах поковыляла в боковой придел церкви, где плакала и пожимала протянутые ей руки, сначала вдове, было заметно, что Винаретта еле держится на ногах, потом дальше, дальше. Все кружилось перед глазами Дункан, вслед за ней кто-то другой уже произносил слова соболезнования, судорожно хватая, пожимая безвольные руки.

Все кружится, воздуху, воздуху! Айседора рыдает, и слезы ее падают на каменный пол, ладони уже мокрые, она вытирает их о юбку, чтобы протянуть новому незнакомцу.

«Вам плохо?» – последний в ряду родственников высокий мужчина старше Айседоры со светлыми вьющимися волосами плотно держал ее за талию. Должно быть, она действительно на мгновение потеряла сознание. Впрочем, никто не заметил, и Дункан поблагодарила незнакомца, поспешно выйдя из церкви. Тот провожал ее долгим внимательным взглядом. Во всяком случае, когда Айседора обернулась в последний раз, их глаза встретились.

Замок Лавут-Полиньяк – средневековый замок во Франции. Он находится в долине Луары. Замок был построен из местного серого вулканического камня. Изначально замок имел оборонительное значение

Если бы Дункан относилась к категории мечтательных барышень, которые спят и видят, как бы заполучить в личное пользование какого ни на есть благородного принца, у нее бы теперь появился перед глазами навязчивый образ того, каким он должен быть. Во всяком случае, она еще некоторое время нет-нет да и вспоминала невероятно яркие серые глаза и чувствовала прикосновение его руки, сильной и надежной.

Пройдут годы, помотавшись по свету, Айседора вернется в Париж, где встретит своего сероглазого принца, ставшего к тому времени королем.

Пан и нимфа

После одного из вышеописанных выступлений Айседоре посчастливилось узнать адрес месье Родена, скульптора, за творчеством которого девушка благоговейно следила уже несколько лет. Время от времени брат делал рисунки с особо заинтересовавших ее скульптур, после чего они подолгу разглядывали позы роденовских статуй, изумляясь игрой атлетических мышц.

Недолго думая, Айседора решила нанести визит мастеру. Решено. Надев свое лучшее платье, она пошла на улицу Юни-верситэ, где размещалась мастерская ее кумира.

Невысокий, коренастый, бородатый Роден был воплощением греческого бога Пана и сразу же очаровал Айседору. Узнав, кто она такая, мастер был настолько любезен, что пригласил гостью пройти в мастерскую, где, показывая ей свои работы, представлял их Айседоре по именам, которые, однако, поразительным образом путались в голове их создателя. Тем не менее он гладил бедра и руки своих мраморных и глиняных детей, усмехаясь и бормоча себе что-то под нос. Неожиданно он схватил Айседору за талию и, поставив ее на небольшое возвышение, принялся месить в руках кусок глины, пока он не принял форму женской груди.

Предположив, что мастер желает изваять ее, Айседора смутилась, но тут же решила, что будет рада послужить искусству, как служили ему позировавшие скульпторам прошлого танцовщицы и гетеры. Узнав, где она живет, Роден потребовал немедленно отправиться в ее ателье, где Айседора танцевала бы только для него. Похоже, этот человек никогда не откладывал ничего в долгий ящик, воплощая все свои идеи и желания мгновенно.

Точно в бреду, Айседора села в экипаж, рядом с ней расположился тяжелый Роден. Всю дорогу девушка говорила о танце, пытаясь увлечь своего спутника описаниями греческих мистерий и с удивлением понимая, что мастер не слышит и не воспринимает ее вдохновенного рассказа. Коляска двигалась на удивление быстро, управляемая лучшим колесничим, может быть, даже самим Гелиосом. Айседора видела мелькающие дома, магазинчики, лавочки зеленщиков, все казалось знакомым и одновременно с тем представлялось будто бы во сне.

Она даже не сразу поняла, что они прибыли, и экипаж остановился у знакомого парадного. Краснея и бледнея, теряя почву под ногами и чуть ли не повиснув на твердой, точно камень, уверенной руке Родена, нежная Айседора поднималась по крутой лестнице, не чувствуя ступеней.

И вот они уже в ее салоне, который сегодня кажется ей незнакомым домом. Айседора тяжело дышит, как пробежавшая большое расстояние ездая лошадь. А может, так и было, может, Пан превратил ее в кобылку и пронесся на ее спине по улицам Парижа? Почему бы и нет? Появился же во Франции Пан, и Гелиос со своей колесницей, а она... ее все время называли Афродитой... не случайно все это. Столько говорить о перевоплощении душ, чтобы встретиться вот так.

Наконец, она собирается с мыслями, отряхивает дурман, прогоняет наваждение, в доме сам месье Роден, а она дура душой! Айседора предлагает гостью чего-нибудь выпить, дома оставалась бутылочка шампанского, с прошлых гостей осталась, так почему бы и нет. можно сварить кофе. Но нетерпеливый Роден не желает ничего, кроме, разумеется, танца. В порыве страсти он пытается сорвать с Айседоры мешающее ей платье, дабы она могла, наконец, облачиться в более подходящую Афродите тунику. Девушка выбегает в соседнюю комнату, где сдирает с себя зеленоватую «лягушачью шкурку», после чего протирает подмышки стоящей тут же розовой водой. все-таки жаркий Роден, точно хорошо натопленный камин или целая кузница Гефеста, и, облачившись в тунику, она выходит к мэтру с поднятыми на гре-

ческий манер волосами, босоногая Афродита, вот сейчас Пан откупорит бутылку шампанского, ударит волна розовой пены. Ах!

– Пустите же меня, месье Роден, я не могу танцевать, когда меня целуют?! Не обнимайте так крепко. Я еще не изложила вам теорию моего нового танца, я.

Крепкие руки Родена мнут ее тело, властно, требовательно, как до этого мяли глину, при этом от него валит жар, даже стекла в ателье запотели, душно, тяжело, МАМА! Каким-то невозможным вывертом Айседора выкручивается из объятий своего кумира и, схватив первое, что попало под руку – старую мамину шаль, накидывает ее себе на плечи, после чего бежит в соседнюю комнату и натягивает поверх всего давешнее платье...

Ничего не понимающий Роден откланивается.

Придя в себя и вволю наплакавшись и напричитавшись, Айседора еще долго бранила себя за то, что не отдалась мастеру. Вот бы воспоминание на всю жизнь осталось! А так... одно сплошное недоразумение! «Как часто я впоследствии жалела, что мои детские заблуждения помешали мне отдать детство самому великому богу Пану, могучему Родэну. Безусловно, и Искусство, и вся Жизнь обогатились бы от этого!» – пишет в своих воспоминаниях Айседора Дункан.

Бедная, бедная Айседора. Все чаще, в своих одиноких прогулках по Парижу, она вспоминала японский театр и черноволосую Офелию – Сада-Якко. Где хорошо знакомая пьеса Шекспира словно выворачивалась наизнанку, какие-то детали укрупнились, какие-то уменьшались и оттого делались колкими, точно булавки? Афиши говорят, что театр Каваками Отодзиро ездит по Франции с «Ромео и Джульеттой», божественная Сада-Якко, без сомнения играет, Джульетту. Айседора попыталась представить себе японского Ромео, несколько дней назад она ходила на выставку японской миниатюры, устроенную в Лувре, и имела представление, как может выглядеть знатный юноша, но отчего-то вместо красивого японца ей представился черноволосый, загорелый цыган. С карими глазами и волосами черными и одновременно золотыми. Да, так и никак иначе должен выглядеть ее Ромео. Почему ее? Неужели она хочет сыграть Джульетту? А почему нет? Не сыграть, а прожить.

Она закрыла глаза и представила себе Ромео, своего Ромео – не очкастого Андрэ и не милого Шарля, какая глупость вообще была думать об этих людях. Ее Ромео не отказался бы от обладания любимой женщиной и сделал бы ее счастливой.

Бедная, бедная Айседора. Пройдет совсем немного времени, и ты встретишь своего Ромео, и он будет цыган и актер. Он будет играть юного Монтекки, а ты сидеть в ложе бельэтажа, как та самая Джульетта, смотря в его блестящие потрясающе красивые глаза, слушая шекспировские строки и мечтая броситься в гримерку, чтобы зарыться лицом в черные с рыжим отливом волосы и рассказать, как она едва не умерла во время второго действия, дожидаясь, когда же можно будет, наконец, обнять его.

Не хмурься, не печалься и даже не пытайся найти его в Париже, твой Ромео не здесь, и он не прискачет к тебе на белом коне, а ты, именно ты появишься в его жизни, вольготно устроившись в карете, запряженной белыми лошадьми, вся в ослепительно белых цветах, словно юная богиня. За твоей каретой будут идти люди, крича: «Вива Айседора!», а он... а впрочем, не будем забегать вперед, тем более что до означенных событий осталось совсем чуть-чуть. Так подождем.

Лои Фуллер и Сада-Якко

Постепенно Айседора приходит к осознанию своей системы танца: танец в ее понимании – это не зримая песня, не пантомима и одновременно с тем не слепое следование музыке, а непосредственное общение с высшими силами посредством тела танцовщика. Потому как Господу можно служить, не только отстаивая службу в церкви и твердя молитвы, а разве художники, расписывающие храмы, не служили ему своей кистью? Разве возводящие эти самые храмы – не делали того же самого при помощи чертежей, камня, кирпича и самого обыкновенного мастера? Вся жизнь человека может быть посвящена служению Господу, если мысли и сердца направляют его по правильной дороге. Человек может поставить свечку в церкви, собрать букет, дабы украсить им статую Девы Марии, но может станцевать о своей любви и благодарности, написать стихотворение или целый роман.

С другой стороны, подобно тому, как бог воплощается в предсказателя, говоря его устами, тот же самый бог способен занять тело танцовщика, явив танец иного мира или дирижируя тонкими энергиями посредством движущегося тела.

Меж тем Айседора продолжала практиковать свои полуголые выступления, заранее содрогаясь при мысли, какие грезы вызывает вид ее юного обнаженного тела в умах большинства из ее зрителей. Часто под маской желаний приобщиться к ее высокому искусству танцовщицу приглашали выступать как своеобразную диковинку, подумать только, голая девушка!.. тем не менее так о танцах Айседоры думали далеко не все. Все чаще и чаще она находила единомышленников, людей, которые, явившись за пикантинкой, в конце выступления переходили в ее веру.

– Обнаженное тело – прекрасно! Господь не зря создал нас именно такими. Мы не краснеем, любуясь в музеях на беломраморные статуи и прекрасных богов и богинь с полотен великих художников, почему же вид живого, но не менее прекрасного тела вызывает негодование или глумливые улыбки? Когда-то вид обнаженной плоти был в порядке нормы, спортсмены снимали с себя одежду, и в храмах обнаженные жрицы исполняли гимны богам.

На афишах Айседора просила писать «религиозные танцы», подчеркивая тем самым возвышенность своей миссии. Она танцевала под серьезную музыку и надеялась со временем выступать в самых престижных театрах мира.

Однажды в гости к Дункан заявился немецкий импресарио, предложивший контракт на выступление в кафе-шантане, положив для начала оклад 500 марок в неделю.

– В кафе-шантане после дрессированных медведей и жонглеров?! Никогда!

Решив, что босоножка упрямится, гость поднял цену до тысячи за выступление. Айседора, как обычно, была без денег, репетируя в холодном ателье, так как не смогла купить уголь, где-то за стенкой напряженно кашляла Дора, должно быть, мама слышала весь разговор слово в слово, заранее давая дочери благословение на столь щедрый контракт.

– Нет, нет и еще раз нет! Когда-нибудь я приеду в вашу страну и буду танцевать там в сопровождении вашего оркестра филармонии в храме искусств и музыки, но не в варьете!

Правильно ли поступила Дункан, отказываясь от более чем выгодного предложения? Ею восторгались принцы крови и аристократы, журналисты неизменно пели хвалу, и в ателье ей то и дело приносили букеты или даже корзины цветов... но не могла же она, в самом деле, отопить этими цветами ателье? Подать на обед газеты? Или одеться с ног до головы в комплименты от сильных мира сего? Несмотря на все хорошие отзывы о ее работе, Айседоре по-прежнему приходилось оплачивать ателье, заботиться о пропитании себя, матери и брата, следить, чтобы все были прилично одеты и обуты, и это при негарантированном заработке, без импресарио, завис от сезонов и прихотей моды.

Да тут еще и Раймонд сначала увлекся хорошенькой актрисой, а затем решил ехать с нею в турне по Соединенным Штатам. Тоже, наверное, уже надоело сидеть на шее у младшей сестренки.

Тем не менее Айседора не приняла приглашения импрессарио, предпочитая честную бедность успеху в сомнительном месте. Дора и Айседора остались вдвоем в холодном пустом ателье, Доре нездоровилось, и дочь была вынуждена отказаться от ателье и переехать с нею в гостиницу на улице Маргерит с пансионом, где, по крайней мере, стояли кровати. Это было лучшее, что Айседора могла сделать для матери.

Однажды, когда Дора немного отошла от болезни и перестала кашлять, они отправились в уже ставший для них родным салон графини Греффюль. Несмотря на то что никакой договоренности танцевать в этот день у них не было, Айседора брала с собой тунику, кто его знает, как дело обернется. Девушка по-настоящему любила свое дело, часто танцуя по просьбе зашедших на огонек гостей. «...Конечно, я протанцевала и изложила свои взгляды, как делала перед каждым и, мне кажется, делала бы даже перед водопроводчиком, если бы он ко мне зашел»²⁹.

Оказалось, что сегодня весь вечер отдан парижской танцовщице американского происхождения Лои Фуллер, которую Айседора имела удовольствие видеть на Всемирной парижской выставке 1900 года. В тот день Лои исполняла танец, в котором сначала на глазах у публики ее красный костюм превратился в алый цветок, потом в очаровательную бабочку, и после беззаботная бабочка вдруг обернулась пламенем и буквально сгорала на глазах у потрясенных зрителей.

Лои начинала свою театральную карьеру как трагистки в Чикаго, но вскоре ушла из театра, дабы работать соло. Как и Айседора, она танцевала под классическую музыку, но, в отличие от нее, создавала сложные структурные костюмы: широкие, легкие драпировки, которые во время танца Фуллер превращали ее в какое-то фантастическое существо. Кружась, она делала со своими юбками и драпировками что-то невиданное, на глазах у публики вдруг превращалась в волчок, вазу, китайский зонтик. по желанию танцовщицы ее костюмы становились поочередно веером и волнами, щитом и лепестками удивительного цветка. Обычной сценической площадкой для Лои были залы «Фоли бержер» и «Гранд-Опера». В «Танце огня» Лои танцевала на специально изготовленном для нее в этих залах стеклянном полу, который подсвечивался снизу, кроме того, она только что снялась в фильме о ней самой на киностудии братьев Люмьер, о чем тут же оповестили своих читателей все парижские издания.

Все движения Лои Фуллер были построены на работе с костюмом и игре света. То есть вне ее фантастических костюмов Лои Фуллер безусловно проиграла бы Дункан, которая могла танцевать в чем угодно, и если бы это ей взбрело в голову, то и вообще без ничего. С другой стороны, в полном одиночестве Лои Фуллер создавала не просто танцы, а танцы-спектакли, достигшие невероятной популярности, так что ее в буквальном смысле слова засыпали предложениями гастролей по разным городам и даже странам. Она уже исколесила Европу и США и теперь предполагала дать несколько спектаклей во Франции, после чего, собрав труппу, ну, не одной же ей вести всю программу, отправиться в новое турне.

Вблизи Лои Фуллер оказалась пухленькой светловолосой девицей со вздернутым носиком и прозрачными выразительными глазами, которые она для пушистости подводила карандашом.

Так же как и Айседора, Лои находилась в постоянном поиске совершенства, но если наша героиня в танце искала духовного, мисс Фуллер исходила прежде всего из внешних эффектов, воздействуя через мощный образ на восприятие и фантазию зрителя.

Именно она, прочитав в газете о работах супругов Кюри с радием, в частности уяснив, что радий излучает свет, первой придумала использовать его в «осветительных» целях. В то

время Лои как раз репетировала танец бабочки и, заявившись в лабораторию господ Кюри, попросила сделать так, чтобы ее крылышки мерцали в темноте.

К сожалению, идея не увенчалась успехом, Кюри объяснили артистке, что подобный костюм будет опасен для ее драгоценной жизни. Тем не менее они не забыли Фуллер, рассказав журналистам об открытии, сделанном не имеющей ни малейшего представления ни о физике, ни о химии танцовщицей.

В тот день Лои Фуллер показывала программу из трех танцев-спектаклей, Айседора была поражена зрелищностью представления, не укрылось от нее и роль света в спектакле. К примеру, она четко знала, какая ткань будет работать на просвет, а какая, обычно расширенная блестками, на отражение света. Самостоятельно расставляя светильники перед выступлением, Лои проверяла каждый из них, прося, чтобы ассистентка в ее костюме поворачивалась, поднимала или разводила в стороны руки. Все, что касается спектакля, Лои делала сама, не доверяя своей достаточно большой свите, которая таскалась за ней по всем площадкам, где только изволила выступать Лои. Это были молодые девушки, влюбленные в искусство Фуллер, перенимающие у нее секреты мастерства, и молодые люди, безнадежно влюбленные в актрису (Лои не жаловала мужчин).

Наблюдая за приготовлением к показу, Айседора отметила, что, желая занять как можно больше пространства на сцене, Лои манипулирует палочками или проволокой, которые зрительно продлевают ее руки, или может начать танец, находясь на прикрытом полами ее платья возвышении, так что создавалось впечатление, будто бы танцовщица нереально высока. Она могла танцевать на котурнах или вдруг взвиться в воздух, поднимаемая специальным устройством, отчего зрителям казалось, что они присутствуют на какой-то невероятной мистерии.

Лои Фуллер (1862–1928) – американская актриса и танцовщица, ставшая основательницей танца модерн

В отличие от Лори, зрительные эффекты Айседоры выглядели минимальными. Так, она танцевала в коротенькой тунике или греческом костюме, состоящем из подпоясанного тонким ремешком куса прозрачной материи. То есть единственным средством ее выразительности оставалось тело, и, если ей это удавалось, Дункан предпочитала работать на голом заднике, обычная серая драпировка стен, позже голубой занавес. Вершина дизайнерского искусства – нарисованные братом Раймондом греческие колонны на стенах их ателье

плюс газовые рожки с надетыми на них металлическими конусами, создававшими иллюзию факельного огня. Все!

Тем не менее Айседора и Лои быстро нашли общий язык и подружились. Оказалось, Лои видела танцы Дункан и осталась ими довольной. У Лои было меньше свободного времени, чем у Айседоры, так как она была занята на сценах сразу двух театров и еще постоянно выступала, принимая частные приглашения. Тем не менее в Лои было невозможно не влюбиться, добрая и отзывчивая, она старалась быть ласковой со всеми, кто хоть в какой-то мере нуждался в этом. Она не отказывала желающим обучаться у нее девушкам, часто помогала с ангажементом менее счастливым актерам, одалживала деньги, пользовалась любым поводом замолвить словечко даже за малознакомых актеров. При этом Лори вела себя абсолютно искренне. Скорее всего, она была любимым ребенком в своей семье и теперь, создав новую театральную семью из учеников и последователей, старалась привнести в нее нежность и гармонию.

На первый взгляд, танцы Дункан проигрывали эффектными моноспектаклям Фуллер, но это только на первый взгляд, кроме того, наблюдая за свободной пластикой Айседоры, Лои было чему позавидовать и даже затаить злобу. Дело в том, что прекрасная госпожа Фуллер страдала болями в спине, нередко ее чуть ли не приносили на выступление, и после страдающую от своего недуга Лои обкладывали льдом, так что она одновременно испытывала и боль, и сковывающий все ее тело холод. Когда опухоль спадала, Лои мужественно облачалась в костюм и выходила на сцену.

О страданиях Фуллер знали все, кто хоть как-то соприкасался с театральной или концертной деятельностью танцовщицы, зрители же видели, как снова и снова на сцене прямо на их глазах возникало непревзойденное чудо. Но чудом была и сама Лои. Так, несмотря на постоянные боли и угрозу в один из дней вообще потерять способность двигаться, она сумела разглядеть в Дункан не молодую и весьма амбициозную конкурентку, такого же, как она, человека искусства.

Нет, Фуллер и Дункан не собирались танцевать вместе, Лои делала программу с неподражаемой Сада-Якко. При звуках имени Сада-Якко Айседора неизменно теряла силы и только что не грохалась в обморок. Нет, Лои не получила невероятный ангажемент театра господина Отодзиро Каваками, не была отмечена великой японкой, которая выделила ее из тьмы своих поклонников. Берите выше, Лои Фуллер являлась официальным представителем госпожи Сада-Якко и импресарио труппы ее мужа. Именно она организовала эти гастроли и теперь вывозила сразу две равноправные программы... узнав, что Дункан влюблена в искусство Сада-Якко, Лори была столь любезна, что пригласила девушку прогуляться с ними в Германию. Все расходы по содержанию Айседоры Фуллер брала на себя, оговорив только, что Дункан должна будет потратиться на билет до Берлина.

Прогуляться, посмотреть другую страну, то есть отдохнуть, а не работать. Если получится завести собственные контакты и связи, подписать контракт и. Воистину щедрое предложение! Теперь она могла каждый день смотреть на работу Лои Фуллер и Сада-Якко, учась у них мастерству, а заодно наматывая на ус и привечая, нельзя ли будет договориться с каким-нибудь театром о собственных гастролях.

Здесь я хочу немного притормозить стремительный бег нашего повествования, дабы рассказать и о таинственной японской актрисе Сада-Якко, которую то называют актрисой, то гейшей, а то и – как Николай Гумилев – танцовщицей.

Сада-Якко – настоящее имя Сада Кояма, появилась на свет в уважаемой самурайской семье в Токио 18 июля 1871 года. Вскоре семья разорилась до такой степени, что дома было нечего есть. Понимая, что жизнь маленькой Сада под угрозой, родители предпочли отдать ее в чайный дом Хамада в Эшико, где ей предстояло стать гейшей. Девочке из самурайского рода! Это была ужасная трагедия, и большинство самурайских семей скорее бы

убили ребенка, но малышке повезло, хозяйка чайного домика, тридцатипятилетняя Камекичи Хамада, сама в прошлом известная гейша, удочерила Саду и помогла ей получить блестящее образование. После того как юная майко³⁰ с успехом сдала все экзамены, она получила новое имя – теперь ее звали Сада-Якко. Известно, что юной гейшей сразу же заинтересовался премьер-министр Японии господин Ито Хиробуми. Сада была популярна и весьма знаменита, ее имя и портрет были занесены в список «Знаменитые гейши Токио», честь оказаться в котором доводилась очень немногим представительницам этой профессии.

В 1894 году Якко вышла замуж за своего поклонника актера Каваками Отодзиро и украсила его труппу на правах примы. Театр взял на вооружение многие традиции кабуки, но его репертуар состоял из европейских пьес. Через шесть лет труппа пустилась в череду бесконечных гастролей, где Сада-Якко выступала и как драматическая актриса, и как танцовщица – она исполняла ритуальные танцы гейш, чем прославилась. Однако европейские антрепренеры запретили ей пользоваться традиционным гримом, делавшим лицо танцовщицы похожим на маску, кроме того, в ее контракт было вписано, что артистка должна улыбаться публике. Она танцевала перед президентом США и принцем Уэльским, ее обожали во Франции, лучшие художники писали портреты таинственной Сада-Якко, ее фотографии украшали обложки журналов, и, несмотря на замужество и рождение сына, расклеенные по городам афиши сообщали публике о приезде знаменитой гейши.

На гастроли в Германию Сада-Якко везла не только свои танцы, но и всю труппу со сделавшимися знаменитыми авангардными спектаклями, а также единственного сына Отодзиро.

Последняя капля

В назначенный день Айседора сошла с поезда на вокзале в Берлине и, взяв извозчика, попросила довести ее до гостиницы «Бристоль», где Лои Фуллер сняла чуть ли не весь этаж для себя и своей свиты.

На этот раз Айседоре не приходилось выискивать самые дешевые апартаменты, так как за все платила Фуллер. При виде приехавшей Айседоры Лои раскрыла ей свои объятия и расцеловала, представляя свою новую знакомую компании. Айседоре было предложено занять ее номер, кто-то из помощников Лои взял ее сундучок, с платьями и книгами. В честь сбора всей труппы Фуллер давала шикарный обед, после чего сама она должна была отправиться в «Винтергартен», где был запланирован спектакль. Ну, разумеется, туда за ней устремилась и вся веселая компания.

Лои Фуллер и Сада-Якко работали практически каждый день на одних и тех же площадках. И неизменно публика ликовала на спектаклях Фуллер, и... к сожалению, Германия была еще не готова постигать сложное японское искусство, так что, пользующаяся неизменным вниманием зрителей и прессы во Франции, маленькая Сада-Якко выступала почти для пустого зала.

Желая немного подбодрить ни в чем не повинную японку, Айседора и девушки из свиты Лои сговорились между собой присутствовать на всех выступлениях Сада-Якко, не важно, выходила ли она с танцами гейш или играла заглавную женскую роль в том или ином спектакле, бешено аплодируя ей и непременно вызывая на бис.

Японский «Отелло» привел немецкую публику в недоумение похлеще, нежели в свое время французскую «Гамлет». Так, в постановке великого реформатора театра Отодзиро Каваками Отелло вообще не был мавром. Правда, он был уродом, и в этом следившая за спектаклем Айседора находила особый трагизм жизни смелого и сильного генерал-майора Ваширо, назначенного губернатором Формозы, когда при участии китайских пиратов там вспыхнуло восстание.

Оказавшись на берегу, он познакомился с Томой-Фуд-жи (Дездемоной, Сада-Якко), стройная фигурка которой была еще более стянута модным, изящным американским туалетом. Дочь графа Банжо-Фура (Брабанцио), министра финансов, она сразу же производит на Ваширо неизгладимое впечатление, но, что самое странное, она тоже сразу же влюбляется в уродо генерала.

Отец против брака, так как желает выдать дочь за сына директора банка Кокотори (Родриго). Вскоре появляется Годза-Ия (Яго), тут отступлений от текста не наблюдалось, должно быть, японцы считали, что предатель – и в Японии предатель, Бьянка же вдруг сделалась гейшей из Токио.

По пьесе, Дездемона должна петь народную песню, но японский этикет не позволял даме, занимающей высокое положение, опускаться до мужицких куплетов, поэтому в спальне Дездемоны на самом видном месте располагался граммофон.

Бурные «выступления» девушек на ее спектаклях несколько улучшили настроение актрисы, но, как выяснилось позже, проблема была не только в нем. Сборов, которые делала Лои Фуллер, хватило бы ей на беспечную жизнь в лучших гостиницах Берлина, с тем чтобы она столовалась исключительно в самых дорогих ресторанах, заказывая изысканные блюда и запивая их дорогими винами. Теперь на те же самые средства она должна была не только оплачивать проживание и питание себя, своей свиты, а также театра Сада-Якко, но и арендовать залы для двух театральных трупп. Дошло до того, что из Берлина в Лейпциг они были вынуждены переезжать практически без багажа.

В Лейпциге повторилась та же история, публика забрасывала цветами Лои Фуллер и игнорировала Якко. После Лейпцига был Мюнхен, там они так поиздержались, что в Вену, где уже были расклеены афиши, сообщающие о грядущих спектаклях несравненной Лои Фуллер, поездка чуть было не сорвалась, так как не на что было купить билеты. Положение спасла Айседора, которая, по собственной инициативе, нанесла визит американскому консулу, попросив его выдать необходимую сумму на билеты.

В Вене повторилась та же картина, Лои делала сборы, а Сада – долги. Однажды во время обеда, как обычно пребывающая в хорошем настроении Лои, усадила подле себя уже подуставшую от безделья Айседору:

– Венское артистическое общество уговорило меня потанцевать на безденежном вечере, устраиваемом для представителей местной богемы в *Kunstlerhaus*. Если не возражаете, душенька, вы могли бы выступить там вместе со мной и нашей милой Сада-Якко.

Айседора была счастлива возможностью размяться и показать себя в избранном обществе людей искусства.

В тот день ей дарили отчего-то только красные розы, так что, сидя после выступления за маленьким столиком и принимая поздравления и новые букеты, она буквально утопала в цветах. В таком виде ее и застал венгерский импресарио Александр Гросс, который пригласил молодую танцовщицу выступать в Будапеште. Поблагодарив за предложение, Айседора милостиво приняла визитку Гросса, обещая навестить его как-нибудь в Венгрии, и забыла о нем.

А правда, верх неблагодарности – живя на всем готовом и ничего толком не делая, еще и помышлять о том, чтобы в один прекрасный день сделать тете ручкой, помчавшись за деньгами и славой вслед за первым подвернувшимся под руку импресарио.

Утром все завтракали при гостинице, днем, не занятая в подготовке к спектаклю, она гуляла, стараясь осмотреть как можно больше достопримечательностей, после бежала обратно, боясь пропустить бесплатный обед, и далее либо снова бродила по городу, либо шла в театр, где проходили представления Лои Фуллер или Сада-Якко.

Постепенно праздная жизнь начала утомлять, с каждым днем нахождение в труппе Фуллер все больше напоминало глупый никчемный фарс. Дошло до того, что одна из путешественниц с Лои Фуллер девушек однажды ночью явилась к постели Дункан в белой с мелкой рюшкой ночной рубашке. На ту ночь их поселили в одном номере.

– Бог мне приказал тебя задушить! – чуть покачиваясь и выставляя перед собой кажущиеся черными в полумраке руки со скрюченными пальцами, сообщила она. Убийца была одного роста с Айседорой и выглядела достаточно сильной. Кроме того, кровать Дункан находилась в углу, еще шаг, и сумасшедшая навалится на нее и...

– Хорошо. Только сперва дай мне помолиться! – не отводя испуганных глаз от противницы, спокойным тоном попросила Дункан.

– Молись. – Девушка отошла на шаг, Айседора услышала, как та чиркает спичкой по коробку, загорелась оставшаяся с вечера свеча. – Молись, я тоже помолюсь, – она поставила подсвечник со свечой на столик возле постели Дункан и скромно отошла к своей кровати. Воспользовавшись передышкой, Айседора вскочила на ноги и, распахнув дверь, выбежала, как была, в ночнушке и чепце, из комнаты, вслед за ней тоже в ночной рубашке с распущенными, точно у фурии волосами, летела душительница. Пробежав через весь гостиничный коридор и чуть не наворачившись на лестнице, Айседора успела позвать на помощь, перебудив, наверное, половину гостиницы. И самое главное, подняв на ноги местную прислугу, так что, когда Дункан поскользнулась на старом гостиничном ковре и с размаху грохнулась на пол, ее преследовательница была остановлена примчавшимися на выручку коридорными и портье.

Айседора и Ромео

Попытка убийства оказалась последней каплей в немецких страданиях Айседоры Дункан, и на следующий день она была вынуждена телеграфировать матери, чтобы та немедленно приезжала за ней. Как обычно, Дора выполнила все в точности, и вскоре мать и дочь воссоединились.

Что дальше? Было понятно, что нет никакого смысла оставаться подле милейшей Фуллер, живя, точно прочие паразиты ее свиты, хотя та с радостью приняла бы на свою многострадальную шею еще и Дору, попроси ее об этом Айседора. Уверена, многие из свиты Фуллер или приглашенных ею артистов поступали именно так.

Айседора объявила матери о своем желании работать, и тут же они отбили телеграмму в Будапешт. Дождавшись ответа от Александра Гросса, Дора и Айседора выехали в Венгрию.

Гросс обещал, что Айседора будет танцевать в театре «Урания», и он сдержал свое обещание. Так что гастроли в Венгрии можно считать первыми выступлениями Дункан с ее программой перед широкой публикой. Первые тридцать вечеров прошли с аншлагом! Александр Гросс был в восторге, ему удалось угадать в Айседоре актрису, которая сумеет найти ключи к сердцам его соотечественников. Дункан купалась в цветах и аплодисментах, ее любили, ею восторгались, впервые они с матерью могли жить в лучшей гостинице, не заботясь о том, чем будут платить, пробовать любые блюда и самые изысканные вина. Каждый день Айседора придумывала что-нибудь новенькое, чем можно было удивить и порадовать публику, а в свободное время Александр Гросс вывозил ее в украшенной белыми цветами открытой коляске, запряженной белыми лошадьми с изумительными шелковыми гривами. Юная рыжеволосая богиня весело махала рукой горожанам, вдыхая аромат цветов и лакомясь сладкими пастилками, которые ей так полюбились в Будапеште. Вокруг Айседоры буйным цветом расцветала сама земля. Весна, апрель! Солнце, птицы и сирень, сирень, сирень... коляска сворачивает в сторону приземистого домика, увитого диким виноградом, с корзиной цветов над входом. Выстроившиеся перед рестораном, музыканты с ярких рубахах и вышитых жилетах играют на скрипках, бьют в барабаны, дуют в свистульки, перебирают чувственными пальцами струны на гитарах. поют. черноволосая босоногая цыганка отплясывает перед Айседорой, а потом берет ее за руку и выводит из коляски, тут же гостье подносят кубок сладкого вина. А вот уже и Айседора, пляшет, подражая веселой девчонке в цветастой юбке. Черноволосый, усатый красавец в шелковой рубахе с плетеным поясом, огладив непослушные кудри, мягкими шагами устремляется к танцующим девушкам, к рыжей и чернявой. И вот уже крутится волчком, у ног танцующих, чтобы вдруг замереть на мгновение подле обутых в изящные розовые туфельки ножек Айседоры, чтобы обнять ее и, подняв на руки, закружить в воздухе, словно маленькую девочку.

Наконец, с бубнами и колокольчиками, скрипками и гитарами вся честная компания устремляется в ресторанчик, к заказанному и давно накрытому столу, где уже поджидает компанию предупрежденная о сюрпризе Дора.

«Что есть тело для танцора? Это проявление всей его души».
(Айседора Дункан)

Деревянный накрытый холщовой скатертью стол был весь заставлен разнообразными яствами: гуляш, в котором куски мяса плавали в темном дивно пахнущем соусе – что это? – суп? Просто мясо? – пойдди разберись. Гуляш с лимонной цедрой, цыпленок, фаршированный по-трансильвански, острое лечо, румяные рулетки с мозгами, токань по-хераньски, заливной карп... супы с клецками, а клецки по желанию – можно из булочки, хлебные с печенью, из кусочков хлеба с обязательной шкваркой посередке, картофельные погачи по-венгерски. Все острое и невероятно вкусное. под вина из местных виноградников, сладких и тягучих, от которых не чувствуешь опьянения, голова чистая, звонкая, только звон-то особенный, неровен час перепьешь, и. потом попробуй встать, да только словно одним местом к сиденью прирос. Вот как бывает, голова светлая, язык не заплетается, а вот подняться не моги. Смех, да и только. Только Айседора мало сидит, а все больше пляшет с цыганами, смеется и хлопает в ладоши, тянет танцевать с собой Александра Гросса, да только не плясун он, так вышел, чуть-чуть компанию поддержать, и снова за стол. А там уже перемена блюд произошла, когда, никто и не понял, по волшебству, не иначе, даже скатерть-самобранка, вином да соусом жирным залитая, сама себя заменила, а на столе... ух, суфле из хлеба с миндалем, фирменный корозот, хоть всю Венгрию обойдите, господа хорошие, такого корозота не сыщите, курочка с перцем, только что по двору бегала, телячьи котлетки, турошчуса, фасоль в горшочке по-венгерски.

– Ну, же, милая Айседора, полно тебе плясать, неужели в «Урании» еще не натанцевалась, что ножки попусту трудишь, сядь лучше рулета с мясом вкуси, отличный рулет закручивают в этом местечке, свининку с кислой капустой наверни. а то, может, кликнуть, чтобы пирогов несли? Или выпьем, вино красное – для крови и цвета лица, белое – для желудка, розовое. хрен его знает для чего, просто вкусно. Есть и пивко свеженькое, специально для дорогих гостей в подполе от солнца прячется, одно твоё слово, все принесут.

Айседора пьет и ест, никогда прежде не сиживала она за столь обильным столом, не пели в ее честь цыгане, не поднимали за нее бокалы да кружки друзья-актеры, что работают в той же «Урании» и каждый вечер ходят смотреть ее танцы.

Да и Айседора нет-нет да и заглядывает на спектакли коллег, не далее как вчера смотрела «Ромео и Джульетту». Ох, и хорош юный Монтекки с цыганскими глазами и черными с рыжим отливом волосами, стройный, как кипарис, Оскар Береги³¹. Тот самый, что, отогнав других, вдруг сел рядом с Айседорой и свой бокал к ее бокалу подвинул, чокнулись сильно, звонко. Залпом влил в себя вино, отер сахарные уста и тут же руку Айседоре протянул. Сильную, теплую, надежную. Танцевать ведет, а она и рада, плывет белым лебедем к другим танцующим, невольно отмечая, что ее-то кавалер, поди, самый видный да красивый будет. Одно слово – ведущий актер молодой труппы, да и сам юн и прекрасен! Отменный танцор уверенно ведет, нежно и одновременно сильно обнимая ее за талию, с таким не упадешь, даже если ноги нести перестанут, подхватит и понесет куда пожелает. Светятся колдовские цыганские глаза, пьянит молодое вино ли... любовь ли. Цыганские задорные песни за душу берут.

– Я видел тебя, всю усыпанную белыми цветами, в коляске, запряженной белыми конями, – шепчет Ромео, и Айседора вдруг понимает, что будет называть его именно так. И еще что-то напоминают ей его слова, но только она не понимает, что именно.

Ромео! Прекрасный Ромео, за которым невозможно не броситься хоть на край света, лишь бы он поманил ее туда. А он и позвал в весну, в любовь, в неведомый и прекрасный мир.

Айседора и Марк Антоний

Промучившись ночь в непонятном ей томлении и буквально бредя юным пылким Оскаром Береги, на следующий день, который был ее выходным, Айседора отправилась на спектакль и после зашла за кулисы, направившись в артистическую уборную артиста. Ее пустили, так как, во-первых, хорошо знали в этом театре, а во-вторых, все, от буфетчиков и гардеробщиков до актеров, танцовщиков, певцов и гримеров, – словом, все в театре знали, что у юного Ромео так уж заведено, что ни день – новая пассия. Уж больно ехидными, понимающими кивками и улыбочками провожали они молодую танцовщицу в уборную признанного сердцеда. Как, должно быть, провожали уже далеко не первую пойманную им в любовные сети глупышку.

Оскар смыл грим, переделся, и вместе они покинули театр, сев в экипаж и отправившись... Айседора понятия не имела, куда вез ее юноша, да разве это важно, главное, чтобы быть с ним. Сказка норвила обернуться былью, давний сон – стать явью, а юная Джульетта трепетала в объятиях своего Ромео.

Они оказались в гостинице, где Оскар, по всей видимости, бывал время от времени, во всяком случае здесь его знали и не задавали лишних вопросов. Прямо у стойки администратора он подхватил Айседору на руки и внес ее в номер. Страсть, перемешанная со страхом, и неистовое желание – все вместе – одновременно она хотела убежать и жаждала прижаться к Оскару с такой силой, чтобы сделаться с ним единым существом. Айседора смутно припоминала прочитанные ранее любимые романы, все они заканчивались свадьбой и неизъяснимым блаженством, после которого и рассказывать-то нечего. Она попыталась еще раз отстранить от себя целующего все ее тело мужчину, и тут же сама, не понимая почему, обняла его, глядя шею и длинные черные волосы.

«Еще совсем немного, и неземное блаженство»... «проклятие, жизнь с вечным пятном». «может, не все еще потеряно, и он на мне женится?» «ай, я, должно быть, вспотела, как стыдно, сейчас бы помыться.» – все эти мысли вспыхивали в голове вместе и поочередно, подобно огням фейерверка, заставляя ее то сжиматься и пытаться плакать, то весело смеяться и целовать щеки и плечи своего возлюбленного.

Ну, где же ты, неземное блаженство? Рай на земле?

Она ощутила только боль, очень сильную боль, которая увеличивалась с каждым толчком, и эта боль, казалось, была бесконечной и изматывающей.

Айседора лежала в кровати, рядом с любимым мужчиной, наконец ставшая женщиной, но, безусловно, она что-то потеряла, но обрела ли?.. во всяком случае, вначале все казалось таким прекрасным, так много обещало и. сплошное разочарование. Одно хорошо, Оскар был на седьмом небе от счастья, что немного успокоило Айседору. Кроме того, он тут же заверил свою юную избранницу, что в первый раз мало кто из женщин испытывает неземное блаженство. Должно пройти время, быть может, уже утром. она согласилась.

На рассвете они наняли парную коляску и укатили в деревню, где сняли комнату. Целый день вдвоем, но Айседора так и не вкусила ни малейшего блаженства, вернувшись в Будапешт с красными глазами и опухшим от слез личиком. В тот вечер ей нужно было танцевать, но из-за усталости, недосыпа и разочарования она чуть не сорвала выступление.

Еще несколько раз они встречались в городе, так как Айседора опасалась опоздать на выступления, да и у Оскара шли репетиции и спектакли. Постепенно их отношения нормализовались, и Айседора начала испытывать удовольствие во время физической близости.

Меж тем выступления в Будапеште подходили к концу, по контракту нашей героине предоставляли неделю отдыха, после чего она отправлялась с гастрольями по Венгрии. Финальным аккордом в этом полном радостей и восторгов сезоне для Дункан стало ее

выступление в Будапештской опере. А на следующий день Айседора и ее возлюбленный уехали вместе в деревню, где прожили несколько дней в полной идиллии. Рай на земле все же оказался возможен, но как вскоре выяснила – ненадолго. Вскоре за ними заехал служащий театра, сообщивший, что мать госпожи Дункан находится в расстроенных чувствах, говоря проще, чуть ли не вешается, из-за разгульного поведения любимой дочери. Айседора немедленно выехала в Будапешт, где надеялась объяснить Доре, что с ней ничего не случилось, но, увидав мать, поняла, что посыльный приуменьшил проблему. Рядом с рыдающей и театрально заламывающей руки Дорой находилась спешно вернувшаяся из Нью-Йорка Елизавета! Скорее всего, мать вызвала ее, когда Айседора в первый раз осталась с Оскаром.

И мать, и старшая сестра в один голос ругали Айседору за недостойное поведение, вопя об ее испорченности и наперебой называя падшей женщиной. Ничто уже, казалось бы, не способно как-то успокоить их и примирить с действительностью. В результате Айседоре пришлось спешно брать билеты до Тироля и увозить мать и сестру подальше от будапештской публики, в надежде, что горный воздух окажет на них благотворное воздействие.

Вернувшись, они тут же собрали свои вещи и отправились все вместе на гастроли по Венгрии, где в каждом городе ее ждала коляска, запряженная белыми лошадьми, и белые, только белые цветы. Это был красивый рекламный ход, который не могла не отметить пресса.

В конце каждого вечера Айседора исполняла вальс Шопена «Голубой Дунай», придуманный ею в Будапеште и неизменно нравившийся венграм. Постепенно мама и сестра снова начали радоваться успеху Айседоры. Впрочем, их благостное настроение базировалось уже на том, что рядом не наблюдалось коварного соблазнителя, растлителя их маленькой девочки. Что же до Айседоры, именно это обстоятельство печалило ее, заставляя каждодневно слать полные любви и тоски телеграммы своему милому.

Айседора считала дни, оставшиеся до их встречи, а Ромео готовился стать Марком Антонием, а заодно и мужем Айседоры Дункан. Поэтому, встретившись с невестой после ее возвращения из турне, Оскар первым делом повел ее смотреть квартиры. Почему-то ему казалось, что вопрос с женитьбой решился сам собой, что теперь они гарантированно будут жить вместе. Айседора же была разочарована уже тем, что в ее грезах Ромео должен был, как минимум, встать на колени и хотя бы попросить ее руки... когда она приходила на его спектакль и он читал при ней шекспировские монологи, ей казалось, что так будет вечно, теперь же ее страстный Ромео пропал, уступив место расчетливому римлянину, который говорил о плате за жилье, удаленности от центра города, о невозможности взять квартиру с ванной и прочее, прочее.

Все чаще Айседора начала увильгивать от встреч с бывшим Ромео, задерживаясь на репетициях с мамой или гуляя с Елизаветой. Пришло время думать о следующих гастролях, сезон в Будапеште закончился, правильнее всего было вернуться в Париж, где и в межсезонье можно было разжиться хоть какой-то работой, отправиться в Германию, где все еще гастролировала Фуллер, и, может быть, договориться с ней или.

Остаться в Будапеште означало, как минимум, проживать оставшиеся деньги в ожидании следующего контракта или приглашений. Какой смысл сидеть в Венгрии без работы, когда вдохновенный успехом Александр Гросс уже составил контракт на работу в Вене, Берлине и ряде других городов Германии?

– Что я буду делать в Будапеште? – спрашивала она Оскара Береги.

– Научись подавать мне реплики, – отвечал он.

– Но мое призвание, место в жизни?.. – плакала она.

– У тебя будет каждый вечер ложа, и ты будишь смотреть, как я играю, – щедро предлагал он.

– Мы бы могли поехать на гастроли и заработать уйму денег, – предлагала Айседора.

- А что я буду делать на твоих гастролях? – грустно интересовался он.
- Ты мог бы читать стихи, как это делали мои братья.
- Но я хочу играть в театре.

Такое положение не могло устроить ни Айседору, ни Оскара, и они решили, что будет лучше, если каждый отныне пойдет своим путем. Разрыв дался Айседоре тяжело, то и дело она задавалась вопросом о правильности своего поступка. Воспитанная в пуританском духе тогдашней Америки, юная Дункан привыкла думать, что высшее счастье женщины – выйти замуж и родить ребенка. Страшное слово «развод» преследовало ее с самого рождения, а тут даже замужем не успела побывать.

Да, ей приходилось видеть вполне самодостаточных одиноких женщин, но это были единицы, последний пример – неподражаемая Фуллер. Правда, Лои вообще не любила мужчин, так что ее и в расчет брать не следовало. Айседора металась между желанием бросить танец и остаться с любимым человеком или танцевать, принеся в жертву свою любовь. От постоянных волнений и стрессов в Вене она заболела, да так серьезно, что была помещена в клинику с общим упадком сил. Целыми днями танцовщица лежала на кровати, даже не выходя погулять в больничный садик, лишь сквозь полуоткрытую дверь балкона к ней проникал веселый ветерок с ароматами цветов и пением птиц. Положение настолько ухудшилось, что Александр Гросс был вынужден вызвать телеграммой ее любовника, и не просто вызвал, а убедил медперсонал в необходимости поставить дополнительную кровать в палату госпожи Дункан.

На недолгое время делового Марка Антонио сменил нежный и страстный Ромео, но радость больной получилась не долгой, так как в дело снова вмешались Дора и Елизавета. Они выдворили молодого человека из покоев Айседоры, так что тот был вынужден ни с чем вернуться в Будапешт.

Так как разрыв уже произошел и Оскар Береги больше не возникнет в жизни Айседоры Дункан, мне бы хотелось немного рассказать о том, как в дальнейшем сложилась судьба этого человека – венгерского актера Оскара Береги-старшего, да, именно под этим именем он войдет в историю кинематографа, прославившись и оставив после себя своего сына, тоже Оскара Береги и тоже киноактера. Собственно, о первом мужчине Айседоры Дункан известно не так много, он был всего на год старше нашей героини, родился и долгое время жил в Будапеште (Австро-Венгрия, ныне Венгрия), служил на театре, но свое истинное призвание нашел в кино, собственно, в его послужном списке тридцать фильмов, и снимался он до 1953 года, то есть ушел из кино в возрасте семидесяти семи лет. Прожил до 1965-го, умер в Голливуде.

Мюнхен и его обитатели

Когда Айседора начала подниматься и могла уже сделать несколько шагов по палате, держась за руку матери или сестры, ее повезли на воды в Франценсбад, где прекрасные врачи и высокооплачиваемые профессиональные сиделки добились их денежный запас. Самое смешное, что именно это в конечном итоге и спасло нашу героиню от убивающей ее депрессии. Так как, оставшись без средств к существованию, с матерью и сестрой на руках (ситуация, более чем привычная для Дункан), ей не осталось ничего иного, как попросить Гросса организовать выступления.

Шатаясь от слабости, она вновь надела тунику и сделала свои первые после болезни, еще неуверенные шаги, постепенно оживая и чувствуя прилив знакомых сил.

И вот афишами с ее именем уже обклеены Франценсбаде, Мариенбаде и Карлсбаде... и белые лошади несут коляску с утопающей в белых цветах прекрасной богиней навстречу славе и новой любви.

Задержавшись в прекрасном Карлсбаде, Айседора выехала в Мюнхен, где ей предстояло выступать в новом театре. Но так как танцовщица поиздержалась во время болезни, на семейном совете было решено не искать гостиницу в столице, а устроиться в каком-нибудь частном пансионе, местечке под названием Аббациа.

Напрасные старания, дешевых мест в сезон не было и быть не могло. Вместе с Елизаветой Айседора раскатывала по улочкам в поисках гостиницы или меблированных комнат, в приметной коляске, запряженной белыми лошадьми, так что неудивительно, что вскоре на них обратил внимание отдыхающий в тех же краях эрцгерцог Фердинанд³². Белые кони, прекрасная женщина, нет, сразу две. Об этой коляске столько писали, фотографии Дункан были во всех газетах, так что ничего удивительного, что Фердинанд пожелал познакомиться со знаменитой танцовщицей.

Слово за слово, время от времени эрцгерцоги бывают невероятно внимательными и убедительными настолько, что переспорить их решительно невозможно. Узнав, в какое затруднительное положение попала несравненная Дункан, его высочество предложил ей воспользоваться комнатами гостиницы Стефания, где он занимал целый этаж. Разумеется, сразу же были отвергнуты все разговоры относительно оплаты, так как Айседора была приглашена в качестве гостя. И пока Елизавета отправилась в Мюнхен за маман и вещами, Айседора проследовала за своим новым знакомым. Отличная гостиница, вышколенная прислуга, отменная кухня. Эрцгерцог выделил своей гостье две комнаты с окнами в сад, выразив пожелание, что во время обеда они сядут за один столик. После чего Айседора отправилась в свои апартаменты, где приняла ванну, переделась и уложила волосы. Как обычно, на ее высокой, точно выточенной из мрамора шее не было никаких украшений, изящное крепдешинное платье модного цвета пепел роз, с высокой талией прекрасно подчеркивало идеальную форму груди, холеные руки были прикрыты газовым шарфом.

Франц Фердинанд Карл Людвиг Йозеф фон Габсбург эрцгерцог д'Эсте (1863–1914) – эрцгерцог австрийский, с 1896 года наследник престола Австро-Венгрии. Генерал от кавалерии (1899). Убийство Франца Фердинанда сербским студентом Гаврилой Принципом, который являлся членом секретной организации «Млада Босна», стало поводом для начала Первой мировой войны

Заметив при входе в гостиничную столовую эрцгерцога, Айседора направилась было к нему, но, на счастье, ее опередила дама в муаровом платье последней парижской моды, улыбнувшись, фрейлина присела в придворном реверансе, изящно изогнув при этом корпус и потупив голубые глазки. Вслед за муаровой красоткой перед эрцгерцогом присела в точно таком же поклоне другая дама, третья... Айседора уже бывала в обществе коронованных особ и знала, как следует себя вести, что же до глубокого реверанса, то для профессиональной танцовщицы ничего не стоило не только повторить его, но и опуститься ниже, нежели это делали до нее придворные дамы.

После чего Фердинанд предложил Айседоре руку, и, мило болтая о всяких пустяках, они проследовали в обеденный зал.

Очевидно, что своим реверансом она доконала местный бомонд, тем не менее Айседора не собиралась сдавать позиции, когда еще удастся поселиться в первоклассной гостинице, не заплатив за это ни единого геллера? Да и такими знакомствами, как эрцгерцоги, обычно не разбрасываются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.